Павел Дунаев

Индукция и дедукция

РАССКАЗЫ

Чкаловск
2009 год

Содержание

Индукция и дедукция	3
Иерехонская роза	14
Спекулянт	29
Старики на трудовом перевоспитании	38
В одном окопе с генералом	42
Две смерти	46
Свет	51
Как оболтус в люди вышел	58
В Сталинград за соломой	62
Живо тито, жвео, Сталин!	69
Или сон, или явь?	71
Советское время в песнях	74
Правильный мужик	81
Мой праздник	82
Художник Виноградов	83
Забытая легенда	84
Исповедь фронтовика	89
Эпилог	94

Индукция и дедукция

Всю осень 46-го года я по заданию Балахнинского горкома партии мотался по колхозам.

На Украине в то лето была жесточайшая засуха. Мне поручили провести в колхозе Николо-Погостинского сельсовета собрание с тем, чтобы колхозники решили отдать Украине половину хлеба, причитающегося на трудодни.

В этом колхозе хорошо родилась картошка, один килограмм ее продавали на базаре в Балахне по 100 рублей. Столько же стоила и буханка хлеба. Зарплата рабочих 5-6-го разряда была 600-700 рублей.

Я был в выцветшей гимнастерке с орденом и медалями. Собрание затянулось. Я выступал несколько раз, рассказывал, с какой радостью встречали нас на Украине, что немцы много украинской молодежи угнали в Германию на принудительные работы, что весь хлеб они, отступая из Украины, вывезли. У меня сильно разболелась голова, наверное, потому что с позавчерашнего дня я ничего не ел. Я вышел в фойе и лег на стол. Слышу: «Уполномоченный заболел, уполномоченному плохо». Когда я снова вошел в зал, председатель сельсовета, старичок Кузнецов, в который раз поставил вопрос на голосование. Проголосовали - «за». На уборке картошки в Зиняковском колхозе я помогал женщинам грузить на поводы мешки и корзины.

Весной 47-го года второй секретарь горкома Иван Михайлович Филатов предложил мне должность начальника Зиняковской электроподстанции. Я отказался: «У меня жена работает учительницей в Мякишевской школе. Это через Волгу, напротив Чкаловска. А в Чкаловске живет ее сестра.

Буду прививаться там». Иван Михайлович сказал: «Там председателем Тимошка Сундуков. Мы служили вместе в одной роте, я позвоню ему». Я заявился к Сундукову. В районе как раз слили отдел социального и государственного обеспечения в один отдел социального обеспечения. Заведующего одним отделом Николая Иосифовича Реброва перевели на должность заместителя председателя райисполкома. Другого – Николая Кузьмича Ренева взяли в райком. Место в собесе оказалось вакантным. Сундуков предложил мне его.

Последовало приглашение в райком партии. Я долго сидел в приемной, пока заведующий общим отделом Никонор Дмитриевич Большаков не пригласил меня пройти в кабинет первого секретаря Лазаря Ивановича Попова. За столом сидел плотный мужик годов сорока, с одутловатым лицом и большой шишкой на лбу, про таких говорят, что это признак большого ума. (Так в действительности и было, в чем я потом убедился). Я поздоровался. Он не оторвал глаз от бумаг, не предложил мне сесть. Я все стоял, а он все перелистывал бумаги. Наконец взглянул на меня и спросил: «Водку пьешь?». Я был в костюме старшины первой статьи, подаренном мне братом, приезжавшим в отпуск с Тихоокеанского флота. На кителе у меня были два ряда орденских ленточек и одна желтая нашивка за ранение. Чего-чего, а такого я не ожидал, думал, что как в Балахнинском горкоме меня спросят, где родился, где учился, где воевал. Я взорвался и, не секунды не думая, с вызовом ответил: «Пью!». «Можешь идти...»

«Вот так товарищ по партии, — думал я. — Ведь он ничего обо мне не знает, разве что Сундуков ему рассказал

со слов Ивана Михайловича, так тот ничего плохого про меня не мог сказать. Значит, назначение мое не состоится. Пьющего в собес не возьмут». А что я мог ему ответить, что водку и в рот не беру, что пью только в праздники, по маленькой. Так он мне и поверил бы, моряку с орденскими ленточками на кителе.

На следующий день нарочный пригласил меня в райисполком. На председательском месте сидел Сундуков, справа у приставного стола сидел Попов. У стола и вдоль стен сидели нестроевые люди и только двое военных и один в милицейской форме. Меня утвердили в должности заведующего райсобесом, не задав ни одного вопроса. Радости у меня не было. Я думал, что такого независимого ответа Попов мне не простит, так оно и случилось в первые же дни.

В то время в районе было 48 колхозов. В каждый колхоз на посевную, уборочную и подписку на заем посылали по одному уполномоченному. Моих предшественников посылали только в ближайшие колхозы, поскольку каждый день нужно было подписывать документы на выплаты пенсии. Меня отправили в Соломаты, потом в Беловский сельсовет, в Пурех, в Андреево. Документы на подпись мне носили счетоводы. Мы шли с директором заготконторы Леонтием Петровичем Горбуновым в Беловский сельсовет. Прошли Мякотино, от кладбища уже был виден сельсоветский дом. Горбунов посмотрел на часы, сказал: «Время обедать». Он достал из чемоданчика хлеб и окорок. Жевал и рассуждал: «Я не обижаюсь, что меня посылают в командировки, работа у меня не тяжелая, а получаю 700 рублей. Считаю, что 400 рублей получаю за работу, а 300 рублей за эти командировки. Мне это не трудно. Учить колхозников,

когда пахать, когда сеять, не надо, они лучше меня знают». Я согласился с ним. Я бы сам сел на трактор, да их нет. А то, что он не поделился со мной обедом, не одобрил. Он не был на фронте. В райком собрали всех уполномоченных и специалистов сельского хозяйства. Подводили итоги весеннего сева. Все шло чинно, пока второй секретарь райкома, всем известный пьяница, не сказал: «Сев провели в лучшие сроки. В этом главная заслуга Лазаря Ивановича».

Черт меня копнул высунуться: «А мы что – не работали?» Сын хозяйки дома, в котором мы квартировали, только что освободился из колонии. У нас пропала дневная пайка хлеба. Жена была беременна. Мне как заведующему отделом был положен дополнительный паек. Я ходил в специальную лавочку, там были пустые полки, упитанная продавщица ни разу мне ничего не продала.

Я позавтракал двумя картошинами, стаканом чая и отправился в командировку в колхоз им. Кагановича, в деревни Алферове и Мостовиха. Теперь они затоплены.

Осень 47-го года была дождливой, хлеб для поставки государству развозили по домам колхозников, там сушили на печках. Я украдкой жевал рожь. К вечеру приехал Попов. Мой вид, видно, ему не понравился. Он спросил председателя Гурия Константиновича Мухина: «Ты его кормил?». «Нет». Я прошел мимо деревни Гребнево. Дождь не переставал, я решил выщипать в стоге клевера нору и переночевать в ней. Клевер слежался, вырыть в нем нору у меня не хватило сил. На повороте в Мочалихинском лесу я увидел полыхавший сзади свет. В районе было на ходу три автомобиля: в райкоме, райисполкоме и полуторка на заводе им. Ульянов (Ленина). Четвертый – «студебеккер» Пуре-

ховской артели им. Свердлова из-за неисправности редко показывался на дорогах. Мы шли из Пуреха в райком – он буксовал у моста через речку Колесенку. Мы возвращались обратно – он стоял все на том же месте. Может, это устраивало председателя артели Клыгина и секретаря парторганизации Монакова – какая им была охота тащиться попусту в райком.. Кто это, думал я, Попов или Сундуков? Машина остановилась. Шофер Борька Мочалов открыл дверку. «Садитесь». За всю дорогу Попов не проронил ни слова.

В райкоме узнали, что заведующий дорожным отделом Павел Емельянович Ермаков пил у Никонорыча пиво в компании с председателем колхоза Лакеевым. На заседании бюро райисполкома я сказал, что не вижу в этом ничего предосудительного. У Ермакова 12 подчиненных, а у Лакеева на руках 300 душ. Я счел бы за честь разделить с ними компанию. На собрании партийного актива Попов «прошелся» по мне, сказал: «Мы еще посмотрим». У меня не хватило духа ответить ему, на что он «посмотрит»! То, что моего дядю церковного старосту Ильинского прихода в Городецком районе и отца моей жены – священника тоже Ильинского прихода в деревне Матренкино расстреляли на одной неделе в 38 году? Не больно я испугался этого «посмотрим». Во время Сталинградской битвы я вступил в комсомол, после форсирования Днепра меня приняли в партию, наградили орденом. Как-то за выпивкой, с глазу на глаз, директор промкомбината Фокин Александр Федорович сказал мне: «Дядю-то твоего я посадил».

— А за что? Он хоть и был единоличником, но у него не было даже лошади.

— Нам дали задание представить от каждого сельсове-

та по два врага народа.

Фокин в то время был председателем сельсовета, ходил в кожаной тужурке, с наганом.

Заседание правления колхоза в Соломатах кончилось часов в восемь вечера. Назавтра мне нужно было подписывать документы, да и ночевать меня никто не пригласил. На перекрестке с большой дорогой мне встретился заведующий отделом строительства райкома Константин Петрович Головяшин. Он шел из Вихорят из колхоза им. Сталина.

Октябрь, дождь, ветер... Мы условились: если в Новинках в каком-нибудь доме светится окно, то попросим хотя бы холодной картошки. Ни одно окно не светилось. На мосту через Санахту перед Сицким мы остановились, закурили. Я зажег спичку, сказал: «Вот такая и наша жизнь». Но она не разгорелась, погасла на ветру. Константин Петрович сказал: «Неужто Сталин не знает?» Потом Константин Петрович не раз вспоминал об этой спичке.

Району было дано задание по очистке ложа водохранилища Горьковской ГЭС. В колхозе им. М. Горького я убедил нескольких человек принять социалистическое обязательство перевыполнять норму. Это было нетрудно, они понимали, что будут получать живые деньги, а не трудодни. Я сказал об этом Попову. Он сказал: «Значит не по индукции, а по дедукции?» Я как электрик хорошо знал индукцию, а про дедукцию сообразил, что это понятие от обратного и твердо ответил: «Да, по дедукции». У Попова брови полезли на лоб. Он, видимо, не ожидал от меня такой «учености» и тут же назначили меня уполномоченным по вырубке леса. Я ходил челком через Волгу, пробирался через сугробы в лесу и «подбадривал» себя: вот тебе и индукция!

Вот тебе и дедукция! Каждую неделю в типографии печатали мою листовку «Кто сегодня впереди». Я разносил ее по делянкам. Между тем мои дела в отделе никто не делал. Был строгий приказ за два месяца проверить правильность всех начисленных пенсий. Я засиживался за делами до поздней ночи, и у меня впервые подскочило давление.

Меня назначили пропагандистом в колхоз им. Калинина, в деревню Высоково. Коммунистом там было 29 человек. После рабочего дня я ходил через Беседы, через Либежево. Обратно меня отвозили. Когда было холодно, я вылезал из саней и бежал впереди лошади. Из райкома позвонили – приехали телевизионщики из Горького, хотят заснять ваш кружок. Я сослался на нездоровье. Евдокия Николаевна Забродина, председатель Климотинского сельсовета, мне рассказала, что Попов нелестно отозвался обо мне. Я сказала, что Вы его плохо знаете. Меня послали в Шеманиху, за 300 километров от Горького. Там на лесозаготовках работали наши колхозники. Я стал «признанным специалистом» не только сельского хозяйства, но и лесной промышленности. Забегая вперед, скажу, что в 1953 году, когда я учился заочно в пединституте, секретарь райкома Павлов предложил мне должность заведующего отделом культуры. Павлов читал мою учетную карточку, спросил заведующего орготделом Ивана Федоровича Быкова:

— Он что у нас, не утвержден?

— Нет, не утвержден.

— А почему?

— Мы его изучали.

Видно, я был таким мудреным человеком, что потребовалось 7 лет на изучение меня. Быков взял защиту «чести

мундира райкома» на себя. Он мог бы сказать правду, что вносил вопрос на бюро не раз, но... У Попова был расчет, оступись я в чем-нибудь, он бы не замолвил за меня ни одного хорошего слова, умыл бы руки: «Райком тут ни причем, мы его не утверждали».

Район первым из сельских районов в области завершил электрификацию. На сессии районного Совета обсуждали персональные дела Сундукова и его заместителя Фавсты Викторовны Будовой. Им вменялись в вину какие-то мелкие финансовые нарушения. Сундуков действительно иногда партизанил, когда надо было в непогоду удержать рабочих на строительстве ЛЭП, писал управляющему Госбанком Юлыгину: «Выдать такому-то 500 или 300 рублей». Он не отказывался разделить компанию с кем угодно, но никто не видел его пьяным, ему это было только на здоровье.

На той же неделе, в дом на улице Чернышевского, где жил Сундуков, вселился новый председатель Стариков, а Сундуков переселился в дом, где жил Стариков. Сработало поповское представление о партийном товариществе. Но у Попова было высшее педагогическое образование, а у Старикова незаконченное начальное. Сундукова перевели на должность заместителя председателя райсполкома, Будову оставили в прежней должности. Дело было сделано. Люди, вытянувшие воз электрофикации, были отодвинуты в сторону. Все лавры достались Попову. Его выбрали депутатом Верховного Совета РСФСР. Сундуков, управляющий Госбанком Леонид Николаевич Алов и я ехали из Новинок. Открылись огни Сицкого и подстанции. Алов сказал: «Что, Тимофей Федорович, екнуло сердце?» У Сундукова задрожали плечи, он всхлипнул. В годы войны Попов в районе

был царь и бог, властвовал, как диктатор. Тогда это было оправданно. Но война кончилась, нужно было менять стиль руководства. Коммунисты то ли в Кулебаках, то ли в Богородске, — точно не помню, — отвергли стиль руководства Попова, а заодно и его самого. Он работал начальником отдела кадров пищевой промышленности в Совнархозе. Я – тогда директор консервного завода – ехал в автобусе на пивзавод. Мы с Поповым держались за один поручень. Я не поздоровался с ним, не мог забыть «индукцию и дедукцию». Он сделал вид, что не узнал меня.

Мои взаимоотношения с Поповым можно истолковать как частный случай. Но это было не так. В стиле поповского руководства содержалась опасная для здоровья партии инфекция. В мире, в нашей стране, в настроении ее народа произошли большие изменения. Они настоятельно требовали демократизации, и в первую очередь в партии. Но вместо этого был проведен референдум, по итогам которого высшая власть народа, как суверена, перешла в руки руководящей и направляющей партии. Это вызвало недовольство, особенно со стороны интеллигенции. В Уставе партии еще провозглашались заветы Ленина: Партийность. Честь. Совесть. Товарищество. Но рядом с ними подспудно соседствовали отношения личной преданности, карьеризма, стремление к личному благополучию. Они, как раковая опухоль, множились, разлагали организм партии.

Ее голова загнила, несла несуразицу: консенсус, адекватно, ноу-хау, припудривая их фразой «больше социализма». Медицина вовремя не вмешалась, а «процесс уже пошел». Партия была парализована. В критический момент она, разбавленная разного рода «мазуриками» (слово Лени-

на), приученная следовать указаниям «сверху», не поддержала Чрезвычайный Комитет Янаева. Он в полном составе попал за решетку. Ельцин расстрелял Верховный Совет. Советский Союз рухнул.

Природой в человеке заложены два начала: добра и порока. Православие и коммунистическая идеология приглушали, сдерживали порочное начало, когда их влияние ослабло, порочное начало победило.

Иерехонская роза

Вы давно не видели Ивана Фомича? Что, с прошлого лета? Плох, говорите, был, не лучше покойника в отпуске? Ну так теперь его не узнать. На днях его видел. Распрямился, взгляд шустрый, выглядит не на свои 70, а на 50, на гармони снова играет да еще и припевает:

«А нам все равно,
А нам все равно,
Косим трын-траву!»

Фомич рассказывал мне, как близкому другу, что и раньше жилось ему неплохо, и хлеб был по 16 копеек, и праздничный стол мог накрыть, квартира бесплатная, телевизор и холодильник купил, на «Жигули» было отложено. Когда хотел, мог в дом отдыха, а то и в санаторий съездить. И все-таки...

Поел как-то Фомич блинов со сметаной, включил телевизор, лег на диван и стал думать, чего бы это ему еще не хватает. А тот, с пятнышком на лбу, возьми да и подскажи: социализма, говорит, надо больше и гласности. Раскинул Фомич умом, согласился, что социализма и впрямь вроде бы маловато, и тут же встал с дивана, пошел на избирательный участок и с легкой душой отпустил бюллетень за демократов. Они социализма обещали еще больше, чем тот, с пятнышком.

А дальше пошло – поехало. Фомич и оглянуться не успел, как оказался на старости лет в туннеле. Снаружи остались только быстро перекрасившиеся в демократов руководители из тех, что сидели за большими столами с множеством телефонов, носившие в карманах партбилеты,

но никогда не бывшие коммунистами, еще много творческой интеллигенции, недовольной тем, что народ плохо ее кормил и мало оказывал почестей, и всякая криминальная публика, оказавшаяся временно на свободе. Они быстренько нашли общий язык, сговорились, дружно навалились на тяжелые, как в шлюзах, ворота, закрыли туннель и наглухо заколотили. Выход оставили только вперед, через кромешную тьму. Не только социализма, а даже маленького просвета не было видно.

Из-за дороговизны питались кое-как и чем дальше, тем хуже, а об обновках или каких-нибудь удовольствиях и думать забыли. Женщинам легче было. Для них специально привезли из Америки 400 серий «Богатые тоже плачут», 1700 «Санты-Барбары» и 500 серий «Просто Мария» и крутили их по телевизору каждый день с утра до вечера.

Просидел так-то Фомич от звонка до звонка срок 300 дней от Гайдара, потом еще 500 дней от Явлинского, потом стали поговаривать, что еще добавят лет 7, а то и 10. А уж стало совсем невмоготу. Плюнул Фомич на все это и решил своими силами выбираться из этой ямы-туннеля и заняться каким-нибудь бизнесом.

Надоумил его кто бы вы думали? Телевизор! Да еще супруга его Елизавета Васильевна допекала, подталкивала. Не Фомич ты, говорит, а самый что ни на есть Фома Неверующий! Закостенел, говорит, ты в своих социалистических пережитках. Нехорошо людей обирать, совесть и честь надо иметь. А что за честь, коли нечего есть? По телевизору вон что говорят: деньги не пахнут, от труда не будешь богат, а будешь горбат, не обманешь – не проживешь, хочешь жить – умей вертеться и чтобы всяк только за себя. Который уж

год при демократии живем, пора и раскрепоститься. А потом стала припирать его фактами. Путный-то Фомич из телевизора, Николаем зовут, со своей супругой Елизаветой Андреевной на акциях МММ богатство большое успели нажить, детей своих на всю жизнь обеспечили, собаку купили заморскую и живут теперь припеваючи. Тоже и Леня Голубков сапоги и шубу жене справил, теперь дом в Париже покупать собирается и не на халяву нажился, а по-честному, на акции.

К тому времени Фомич и сам понимал, что перестраиваться надо, только никак не мог придумать, каким ему бизнесом заняться. Опять же телевизор посоветовал ему подойти к решению проблемы по-научному, с помощью астрологии.

По знакам Зодиака Фомич оказался Водолеем, а всем Водолеям астрологический календарь советовал начинать серьезные дела в свой благоприятный день. Ближайшим таким днем оказалась пятница.

В пятницу Фомич встал чуть свет и принялся ломать голову, чем бы ему таким заняться, да чтобы не очень уж бесчестно, а главное – прибыльным было. От перенапряжения своих умственных способностей напрочь аппетита лишился, уж вечер настал, а он так ничего и не надумал, обозвал астрологию шарлатанством, лег на диван и включил телевизор, чтобы поразвлечься.

Передавали «Вести», а как заведено, перво-наперво сообщили, что наш друг Клинтон в хорошей форме и целиком и полностью одобряет наши реформы. Потом показали, картинку – портрет первого нашего работника, он тоже, судя по портрету, слава богу, благоденствует. Веселая дик-

торша стала рассказывать, что в России все идет хорошо, по плану, как и было задумано. На Кавказе и в Таджикистане идет война. В Приморье взорвали склад боеприпасов Тихоокеанского флота, но причин для беспокойства нет, уголовное дело уже завели. Из Прибалтики русских оккупантов выгоняют, на улицах и в домах по всей стране убивают, ради грабежа, по заказам и просто так, за здорово живешь, но не очень много. Цены за эту неделю повысятся не более чем на 6 %. Ну если все это идет по плану, то, наверное, и в самом деле хорошо, подумал Фомич и стал слушать дальше.

МММ рекламировала свои акции, да уж больно назойливо и истошно вопила, как утопающий, отчего Фомич не то чтобы не поверил рекламе, но на всякий случай взял ее под сомнение. А вдруг обманут? Добровольского – капитана сборной команды по футболу с вратарем Хариным показали, как они едят «Сникерс» да еще и прихваливают. Увидев такое, Фомич страшно взволновался и стал, как мог, телепатить по Кашпировскому: не ешьте даровое – это коварная политика буржуинов, в политике финты много коварнее, чем в футболе. То ли не дошла телепатия, то ли не поверили ей, простодушные футболисты продолжали есть «Сникерсы» и, ясное дело, бездарно проиграли чемпионат мира. А Фомич, как заядлый болельщик, узнал об этом, сказал зловещим голосом: «Ну, «Сникерс», погоди»!

Гайдар появился на экране. Радостный такой и, показалось, с лица еще более округлился в неустанных заботах о народе. Ничего не скажешь, подумал Фомич, все-таки этот Гайдар – голова. Не всяк мог такое придумать: отобрал в одночасье у меня с Елизаветой 10000 рублей, что были

на сберкнижке – на старость накопили – да еще два ваучера обещал по 10000 руб., а всего по теперешним деньгам это более 70 миллионов, и нашими же кровными нам пенсию платят. Не доживем, наверное, пока все выплатят. Первонаперво Гайдар призвал всех телезрителей порадоваться, что с советской властью покончено. Теперь у нас полная свобода, в магазинах очередей нет. Потом стал говорить, какими мы будем, лет эдак через 20, богатыми и счастливыми при капитализме.

И тут случилось невероятное – сверхнадежный цветной телевизор «Чайка», изготовленный еще в застойные времена, поломался. Звук засвистел, как уличный хулиган, напоследок хрюкнул, да так натурально, что Фомич невольно оглянулся – откуда оно, да еще такое большое могло взяться? В комнате никого не было. Экран заметался прямыми и ломаными линиями, потом мельтешение стало затихать, упорядочиваться и, наконец, оформилось в пятно, похожее на блин, только не аппетитно-румяный, а серо-зеленый с оттенком синевы.

Всмотрелся Фомич и ахнул, да ведь это иерихонская роза, самая что ни на есть настоящая, и тут же его осенило, что не случайно и телевизор изломался, и роза показалась, что все это наука астрология специально для него подстроила, чтобы подсказать ему, Фомичу, каким бизнесом заняться. Телевизор, как бы в подтверждение его мыслей, тут же нормально заработал. С этого момента Фомич зауважал астрологию и еще больше стал верить телевизору.

Не откладывая дело в долгий ящик, он слез с дивана, сел за стол, вооружился карандашом и бумагой и тут же набросал начерно план операции, а для секретности, чтобы

никто не мог догадаться о его намерении, решил назвать операцию так, как ему подсказал телевизор – иерихонская роза.

Утром дня, намеченного для первого выхода на операцию, Фомич нашел себя сидящим на кровати и никак не мог понять, спал он или нет. С поразительной ясностью, до мельчайших подробностей помнил он то ли сон, то ли явь.

Непонятно, как оказался он в предрассветные сумерки в Михалевском лесу. Неподалеку от заброшенных военными ракетных позиций, похоже, именно в том месте, где, как писала 2 года тому назад районная газета «Знамя», житель города Чкаловска вступил в контакт с инопланетянами. По какой-то непреодолимой воле он оказался внутри висящего над самой высокой елью серебристо светящегося аппарата. Под звездной картой Галактики сидел карлик с непомерно большой головой в шлеме космонавта. Второй карлик, стоявший рядом, положил такой же шлем-колпак на голову Фомича, и в то же мгновение он осознал, что без слов и звуков воспринимает мысли инопланетян.

Второй карлик: «Проверь его по тесту первой сложности».

Первый, указав на пятно на звездной карте, спросил:

— Какого цвета?

— Черный, — ответил Фомич.

Показал на другой.

— Белый.

— Сколько будет дважды два ?

— Четыре.

— Что слаще: хрен или редька ?

— Оба не слаще.

2-й. — Мыслит достаточно четко. Переходи на рабочую программу.

1-й. — У вас идет война?

— Нет.

— А почему люди на себе пашут землю, а трактора стоят?

— Мы сами добровольно так решили. Это наш выбор, выбор России.

1-й. – Давно ли это случилось?

— Третий год пошел, сразу же после шоковой терапии.

1-й. – Что такое шоковая терапия?

— Это когда заводы и фабрики остановили, зарплату не платят. Все торгуют заграничными товарами, а кто поумнее, продают самое ценное, что есть в стране, за границу. Выручку себе присваивают.

1-й.– Зачем это сделали?

— По телевизору объясняли, что народ при прежней, советской власти, обленился. Работать разучился. Это вроде болезни. Вылечиться от нее можно только всеобщим шоком.

2-й. — Может, он ненормальный, такую чушь несет? Сделай ему парапсихоанализ.

Первый пробежал пальцами по кнопкам пульта. На экране отразилось заполненное серым очертание головы.

— Отклонений от нормы нет. Обыкновенный Хомо сапиенс. Главные физиологические центры прослеживаются четко. Но область подсознания затемнена. Межклеточное пространство забито какой-то пудрой. Не косметической. Скорее эфирно-синтетической, телевизионной. И чего там только нет. Никогда такой дикой мешанины не видел: ка-

кие-то холдинги, маркетинги, твиксы, сникерсы, ваучеры и еще много всякой дряни.

— А человек явно русский.

2-й. — Все понятно. Охмурение третьей степени. Телеидиот. Способность самостоятельно мыслить утрачена. Закодируй его против телевизора на полгода и сними шоковое состояние.

1-й — С телевизором готово. А шок можно снять только длительным голоданием. Боюсь навредить. Лучше не вмешиваться. До этого, судя по всему, они сами скоро дойдут.

2-й. — Эксперимент придется повторить. Не можем мы такую информацию в центр послать. В беде большой добрый народ. Ему нужна срочная помощь.

— Надо отловить какого-нибудь депутата или академика из тех, что шок придумали. Может, от них добьемся чего-нибудь вразумительного. А этого – отпустить.

Колпак сняли. Контакт нарушился. Еще помнил Фомич, что ночью он ходил на кухню и жадно ел холодную картошку в мундирах. Хотя помнил также и то, что накануне плотно поужинал.

«Чертовщина какая-то», – подумал Фомич и решил, не откладывая, в этой темной истории разобраться,

— Лизонька, — обратился он к супруге, она еще не совсем проснулась, была в сладкой дреме и на лице ее блуждала молодая улыбка, какой Фомич не видел лет тридцать. — Лизонька, — проворковал еще раз Фомич, — у нас вчера после ужина картошка в мундирах оставалась?

Не открывая глаз, Лизонька ответила:

— Оставалась, дорогой Си-Си, оставалась. Посмотри

там на столе, на тарелочке.

Картошки не было. На тарелке была только щепотка облупков.

— Выходит, это мне не приснилось, все так и было. Инопланетяне, астрологи, должно быть, вместе работают и выбрали меня не иначе как за мою сообразительность, когда я у телевизора разгадал их подсказку, — рассуждал Фомич.

— Только какой я телеидиот? Сами же сказали, что я мыслю четко. Я такой же, как все. Впрочем, инопланетяне тоже ошибаться могут. На том и успокоился, а вспомнив, с какой нежностью Лизонька сказала «Си-Си», еще и рассмеялся: старая, а сны все молодые видит, приснилось, наверное, что сажает ребенка на горшок.

Серьезные дела умные люди просто так, с бухты-барахты, не начинают. А Фомич в делах кое-что смыслил и перед первым выходом на операцию подсчитал ожидаемые расходы и доходы. В статью расходов, кроме стоимости своего труда, заносить было нечего. Все, что требовалось - старая шляпа, поношенный плащ, резиновые сапоги и темные очки – у него были. Новая сумка, с красиво написанными иностранными буквами «Сникерс», все равно валялась без пользы и для задуманного дела подходила как нельзя лучше. Брать ссуду в банке на первоначальный капитал нужды не было. С доходами тоже получилось отменно хорошо. Всему голова – хлеб, с него и начал Фомич расчеты. Цену буханки хлеба в зиму он условно принял за 1000 руб., килограмм картофеля – 800.

Подсчитал количество рабочих дней – выходов, перемножил на килограммы разовой добычи нужной ему субстанции. Получилось мало. Порылся в справочниках спе-

циалиста и нашел решение. Использовать субстанцию не в натуральном виде, а только как катализатор, в качестве наполнителя взять крапиву, благо ее предостаточно, и получишь сырец. В нем действующего вещества А – 0,76%, РО – 4,8 %, К – 0,6%. Полезность при этом будет вдвое больше, и в конечном результате задуманного предприятия это составит полтора, а то и два миллиона рублей. Место для своей операции Фомич присмотрел заранее, когда ходил удить ершей.

На противоположном берегу, на маленькой полянке, с начала весны стал регулярно появляться интересующий его объект – особь КРС, так решил Фомич, впредь опять же для секретности, его называть. Овражек, мелкий кустарник обеспечивали скрытый подход к объекту. На всякий случай Фомич наметил еще одну обходную тропку. Предвкушая солидные доходы и прикидывая, как он ими распорядится, в самом хорошем расположении духа, в назначенное время, ранним майским утром, избегая нескромных глаз, по овражку да мимо кустарников Фомич прошел на облюбованную им на берегу речки полянку – свою поляну, как он уже привык про себя называть ее.

То, что он увидел, сразу испортило ему хорошее настроение. Цветущий луг был обезображен тут и там черными плешинами, через всю поляну прорезаны две глубоких борозды – след буксовавшего «запорожца». Какая-то конкурирующая фирма его опередила, от субстанции, которой, по прикидке Фомича, должно было накопиться за неделю на полную сумку, остался только след.

Долго, сокрушенно вздыхая, бродил Фомич по поляне в надежде найти хоть что-то. И что бы вы думали, удача

все-таки не обошла его стороной. Совсем рядом с одной плешиной, в высокой траве Фомич увидел иерихонскую розу.

Мельчайшие капельки росы на ее поверхности искрились всеми цветами радуги в лучах восходящего солнца. Она была прекрасна. Фомич в благоговении склонился над розой, понюхал: специфический запах едва улавливался, что было верным признаком ее полной зрелости. А тот на «запорожце» прошел совсем рядом мимо розы и не заметил ее. Наверное, начинающий, из интеллигентов, ничего в этом деле не понимает, не без злорадства подумал Фомич. Такой конкурент не страшен, скоро отступится да и резина у него на машине лысая, и бензин нынче дорог. Опять поднялось настроение у Фомича, но ненадолго. Не прошел он и 50 шагов, как нате, пожалуйста, из-за куста смотрит на него преподаватель из городской школы Игреков. Узнал, конечно, но, видно, смутился, не поздоровался и делает вид, что любуется природой, но в заблуждение этой уловкой Фомича не ввел: рядом в землю была воткнута лопата и стояло пустое ведро, что явно выдавало его истинные намерения.

Дошел Фомич по тропинке до поворота и видит: со стороны колхозного стада кто-то катит тяжело нагруженную тачку на двух колесах. «Да ведь это Вася Стаканчиков!» – еще раз удивился он. Вот что значит инженер-конструктор! Тачку приспособил да еще с двумя отделениями – одно под жидкую, другое под сухую фракцию. Кустами да овражком, озираясь по сторонам, совсем близко подошел Фомич к своему загородному саду и тут, как из-под земли, прямо перед ним вырос высоченный мужик. Неужто из органов, струхнул Фомич, вот влип, и улику некуда

деть. А ведь все так хорошо начиналось, так строго было засекречено. Где-то прокол получился. К счастью, оказалось, что человек не из органов. Удивительное дело, с иным в маленьком городе рядом живешь, через улицу и, бывает, по полугоду не встречаешься, а тут, надо же такому случиться: встретился да еще в такое неурочное время, да в таком глухом месте с человеком, которого он сейчас меньше всего хотел бы видеть. Уж больно любопытен, всегда задает вопросы: куда ходил, да зачем, да как ты думаешь? О себе же никогда ничего не скажет. И на этот раз так же: куда ходил, а что у тебя в сумке?

И без того взвинченные нервы у Фомича не выдержали, внутри соскочила какая-то защелка, давно накопившееся прорвалось, и он выдал любопытному интервью, да такое эксклюзивное, из 3-х слов, что тот открыл рот и долго так стоял, глядя вслед уходящему Фомичу. Сожалел потом Фомич, извинялся, и никак не мог понять, как это у него вышло, а остановился на том, что это все из-за бизнеса, что, занявшись им, он успел раскрепоститься, что бизнесмены и не такое выделывают.

Выложил Фомич свой первый трофей на подушку из прошлогодних листьев. Радоваться бы, а на душе муторно, будто разжевал кусточек розы с ее специфическим запахом. Смущало его, что приватизация, которую он осуществил, не узаконена Государственной Думой, и что оно вроде бы и ничье, но и не его, и не является ли эта приватизация не то чтобы прямо и в некотором роде..?

Посидел, выкурил сигарету «Прима», поуспокоился, еще раз все взвесил и твердо сказал себе: нет, не является, буду продолжать! Прошло немного времени, Фомич на-

прочь забыл и про туннель и про социализм.

Словно заново родившись, он радовался солнцу, дышал полной грудью, пока еще бесплатным воздухом, любовался окрестными перелесками, особенно полями и земельными наделами горожан – картофелеводов, многие из которых радовали глаз сплошным ковром красненьких, голубеньких, желтеньких – всяких цветочков, каких давно уже не видел. При тоталитарном режиме эту красоту несказанную безжалостно уничтожали на полях железными плугами и культиваторами, нещадно травили химией.

Дела у Фомича шли хорошо. Он расширил зону поисков, брал сумку «Сникерс» с собой в лес, на рыбалку и почти всегда приносил ее наполненной доверху. За приятными и полезными хлопотами как-то незаметно пролетело лето.

Свежий октябрьский ветер подметал опавшие с деревьев листья. Фомич в последний раз опростал сумку. Она изрядно поистерлась, красивая надпись «Сникерс» местами облезла. Отметив такое состояние сумки, Фомич сказал голосом, не обещавшим ничего хорошего: «Это еще не все! Сейчас я тебе, «Сникерс», дам последнее наше русское, духовное напутствие». Он содрал с теплицы лоскутки полиэтиленовой пленки, туго набил ими сумку, встал лицом строго на запад, тщательно, как футболист, готовящийся пробить пенальти, установил сумку перед собой и со словами «Господи, благослови!» хлестким ударом правой послал сумку точно... нет, не в девятку, а в яму, вырытую под компост будущего года. «Аминь», – сказал с полным удовлетворенней Фомич и, взяв в руки заступ, стал перелопачивать то, что настрадал за лето.

Набралось немного, ведер двадцать. Половину придет-

ся внести в грядки под лук, огурцы да морковку, рассудил Фомич. В поле участок под картошку 5 соток, это 2000 кустов. Под каждый придется по полторы столовых ложки. Урожай больше, чем сам третий, не будет. Придется засадить только половину: что попусту землю переваливать, и, пригревшись на солнышке, позволил себе помечтать, пофилософствовать. «Землей всех наделили - это хорошо. Вот если бы удобрения хоть немного по сходной цене продавали. Да еще нам, старикам, по заступу-самокопу дали. Ты сидишь себе в холодке, а он знай себе копает. Вздремнул, оглянулся – ан глядь, половину уже вскопано. Пущу вторую половину участка под васильки, они на этом поле хорошо растут, если дать хорошую рекламу, такую, к примеру: «исчезающий вид, васильки василевские, экологически чистые», – может, и найдутся охотники, не свои так заграничные, купят оптом на корню. А на вырученные деньги картошки прикуплю».

За лето Фомич узнал, что таким же «бизнесом» стали заниматься многие достойные люди. Нужда в секретности сама по себе отпала, и сыпец он, как и раньше, стал называть перепревшим навозом, особь КРС, извините, просто коровой, одной коровой, а тех, кто интересуется, что такое иерихонская роза, отсылает к известному во всем мире своей порядочностью бравому солдату Швейку. Вот что он рассказывал об этом со слов слуги своего друга художника Панушки Матей: «Возьмите сухое коровье дерьмо, положите его на тарелку, полейте водой, оно у вас зазеленеет – это и есть иерихонская роза!»

SNIKERS

Спекулянт

Василий Макарович не мог уснуть. В голове крутились мысли о происшедшем . Более 30 лет проработал он в колхозе, славившимся высокими урожаями не только в области, но и за ее пределами. То, что случилось, не могло присниться в кошмарном сне. Колхоз - банкрот! Скот, технику частью распродали, частью разворовали. Поля второй год не возделываются. Он потихоньку оделся и пошел к двери. Оказалось, что жена тоже не спит. Спросила:

— Ты куда, Вася?

— Что-то не спится. Пойду прогуляюсь.

Покружил около своего дома и незаметно оказался возле правления колхоза. Открыл своим ключом входную дверь, прошел в свой кабинет. Щелкнул выключателем. Электричество еще не отключили, наверное потому, что правление было на одной линии с деревней. Двухтумбовый стол, дубовый стул с подлокотниками, на который когда-то сел, вступив в должность 32 года назад. В правлении не раз ме-

няли мебель, но он не позволял ничего трогать в своем кабинете главным образом из-за стула: ещё сто лет прослужит.

Занялся чисткой ящиков стола. Комкал, рвал теперь уже ненужные бумаги, бросал в корзину. Связка писем кандидата наук из сельхозакадемии, вырезки из газет, калька с планом полей колхоза. Все в корзину. Попалась толстая тетрадь в плотной обложке. Стал ее листать. Записи за многие годы, все про лен. По каким предшественникам посеяли, в какие сроки, каким сортом семян, сколько собрали льносемени, какой был выход льносоломки и каким сортом ее сдавали. Отложил тетрадь в сторону.

На стене висели дипломы 1 и II степеней с ВДНХ – слава колхоза и его личная гордость. Теперь это никому не нужно... Обвязал дипломы вместе с тетрадкой бечевкой, сунул за пазуху. Огляделся еще раз. Бережно придвинул стул к столу. Кто теперь сидеть на нем будет? Может, тот, другой, просто выбросит его, как ненужный хлам...

Дверь из коридора в бухгалтерию была распахнута. Полированных столов и стульев-вертушек не было. На затоптанном полу валялисъ старые газеты, обрывки бумаг, бланки накладных с грифом «Колхоз «Вперед». Как теперь вперед? Пришли. Дальше некуда. Уперлись в пустоту. При выходе из конторы встретился сторож Михеич. Спросил его:

— Ты еще на службе?

— Нет, увидел свет в твоем кабинете. Пришел по привычке. Кончилась моя служба. Теперь только и осталось, что лежать на печке и ждать смерти. А когда еще она придет один Бог знает. Был вроде полезным человеком, на лю-

дях, поговорить было с кем, газетку почитать...

Присели на ступеньки крыльца.

— Как ты думаешь, Макарыч, надолго это?

— Что надолго?

— А то, что колхозы развалили.

— Не знаю, Михеич. Программы принимают, заметь, по дальнейшему подъему сельского хозяйства. По дальнейшему подъему! Будто уже высоко подняли. Программа есть, а денег нет. Может, когда-нибудь власти поймут, что нельзя с продовольствием зависеть от заграницы. Да, думаю, не скоро это будет.

— Видно, я не доживу до этого, – сказал Михеич. – А ты куда теперь, Макарыч?

— Не решил еще. С женой спорим. Наверное, уедем в город, к сыну.

Пришел домой, не раздеваясь, лег в прихожей на кушетку. Чтобы скорее уснуть, стал считать по проверенному способу в ритме работы сердца. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять... потом обратно до единицы. Сердце частило. Обычно после 15-20 заходов засыпал. Радио на кухне замолчало. Полночь. Сбился со счета, после девяти стал считать дальше, насчитал до 240 и запнулся. Столько шагов от его дома до правления. От правления до гаража 2800 шагов, от гаража до полей самой дальней бригады 4,5 километра.

На первых двух километрах дороги три поворота. Первый налево, у льнозавода, второй направо, у терминала по переработке зерна, третий - опять налево. На этом поле хорошо родилась капуста, а картошку хоть и не сажай. Чуть запоздал с уборкой – гниет на корню: под верхним слоем

почвы в этом поле жирный суглинок. Дальше прямая дорога километра два до моста, через овраг. Деревянный мост. Планировали построить бетонный, чтобы можно было пропускать тяжелую технику... Сознание начало мутиться. Льняное поле вспыхнуло голубым огнем и не гасло. Один стебелек кланялся, кланялся ему голубыми цветочками.

Утром Софья Васильевна увидела на лице спящего мужа счастливую улыбку. В тот же день Василий Макарович заколотил досками окна. Софья Васильевна отнесла цветы соседке. Еще раз переложили в чемодане носильные вещи: не забыли ли чего? Присели перед дорогой. Софья Васильевна тяжело поднялась, подошла к печке, украдкой перекрестила ее. В глазах слезы. Она впервые не знала, надолго ли покидала свой дом, обласканный ее заботой, ее руками. Василий Макарович запер дверь амбарным замком. Положил в багажник «москвича» чемодан, Софья Васильевна села на заднее сиденье. Оглянулись на дом и поехали в город, к сыну.

Хорошо в городе. Комната отдельная. Уборная рядом, ванная, кухня. Все сияет белоснежными кафельными плитками. Магазин в том же доме. Василию Макаровичу предлагали работу сторожем на стройке, вахтером в техникуме. Все не то!

Сосед по лестничной площадке оказался хозяином промтоварного магазина. Как-то, будучи навеселе, он пригласил к себе Василия Макаровича. Потыкал пальцем числовой код на замке. Открыл железную дверь и вежливо пропустил его вперед себя, но провел не в переднюю комнату, а на кухню.

Выпили по случаю знакомства коньяку по стопке. Хо-

зяин предложил Василию Макаровичу заняться выездной торговлей от его магазина. Тот подумал, что такая работа принижает его достоинство, но, с другой стороны, теперь дело незазорное, какой-никакой заработок, на людях... и согласился. Выпили по такому случаю еще по одной.

Хозяин умиленно говорил:

— Вот и ладненько, вот и ладненько, – и хлопал Василия Макаровича по плечу. — В накладе не будешь! Цену на товар я назначаю только минимальную. Что выручишь сверх – твое.

Хозяин заметно захмелел, стал наставлять:

— Место на базаре выбирай побойчее. Товар не навязывай. Смотри весело, чтобы видели, что все у тебя идет хорошо.

Хозяин выпил еще. Василию Макаровичу налить забыл.

— Подошла к тебе женщина. Тут главное – говори, говори. Иная, обольщенная таким вниманием, купит даже то, что ей вовсе не надо. Наука! Психология! Теперь стало много женщин богатеньких. Деньги у них без глаз. Тоже неправедно нажиты. Подойдет к тебе этакая «фря», он изобразил руками и головой, какая бывает «фря», – лови момент! Заламывай цену вдвое, втрое. Таких жалеть нечего. Они сами никого не жалеют. – Хозяин опрокинул еще стопку. Василию Макаровичу налить опять забыл и совсем распустился:

— Т-торговля – д-дело тонкое. Да… О чем бишь я?

— О торговле.

— Да, т-торговля – д-дело тонкое. Это тебе не картошку выращивать. Кем ты, думаешь, я был? Простым продав-

цом, ничтожной личностью. А сейчас? Дача у меня ого-го! Езжу на «мерседесе». Не сам за рулем – Сашка. Он, скажу я тебе, немножко подленький, но я его люблю. Башка. Если за ум возьмется, то далеко пойдет. – хозяин клюнул носом. Василий Макарович вышел. Замок за ним хищно щелкнул.

Дорога длинная, колеса крутятся. И мысли в голове у Василия Макаровича тоже крутятся. Разные. Хозяин наглец, но в своем деле большой дока. Старается как можно быстрее продать товар, деньги снова обратить в товар. Таких оборотов за год получается, может, пять, а может, десять. Потому и придумал выездную торговлю. В колхозе не так. Вложенные средства возвращаются только по завершении севооборота. А это через 4-7 лет, да и то если погода была благоприятная. Выжить может только крупное многоотраслевое хозяйство на индустриальной основе. Вот коровник большой. Теперь сплошное запустение. Рамы выдраны, стены кирпичные стали разбирать. Теперь к нему не то что дороги, даже тропки не видно. А вон там машинный двор. Большое было хозяйство: только пахотной земли 3,5 тысячи гектаров, тракторов и автомашин больше сотни... Теперь стоят два трактора и одна автомашина. Исправные ли?...

Первый выезд был удачным, и второй, и третий тоже. С немалой выгодой расходились шубки на белом меху с такой же белой опушкой, зимние мужские ботинки из натуральной кожи, трикотаж белорусского производства. Но бывало и так, что и бензин не оправдаешь.

Однажды Василий Макарович решил съездить на базар в свой район. Все неудачно складывалось с утра. Мотор «москвича» нахолодал, не заводился. Пока грел воду, пока заново заливал в радиатор, время шло. Бойкие места на

базаре были заняты. Он поставил свою палатку на отшибе, неподалеку от молочного ряда. Покупатели проходили сто-

роной. Простоял час и продал только одну турецкую кофточку с узором, вышитым золотой нитью. Подошла женщина, до глаз укутанная теплой шалью, и пристально посмотрела на него.

— Василий Макарович! Это ты? — помолчала и добавила: — Заделался спекулянтом... Вот уж никогда бы не подумала.

Вроде как бы смутилась, ничего больше не сказала, повернулась и пошла.

Василий Макарович узнал ее. Это была Маша, лучшая звеньевая из третьей бригады. В 84-м они вместе ездили на ВДНХ. В тот год его наградили орденом Трудового Красного Знамени, ее – орденом «Знак Почета». Настроение сразу испортилось. Молодой мужик стал примерять куртку с застежками-«молниями». Повертывался и так, и сяк. Спросил, хорошо ли? Василий Макарович не предложил ему зеркало, чтобы посмотреться. Вместо этого сказал:

— Сам смотри, тебе носить-то.

Покупатель ушел. Народ на базар начал только подходить, а Василий Макарович свернул торговлю.

На обратном пути он до упора жал на педаль газа. Гаишник оштрафовал его за превышение скорости. Первый раз в жизни! Но он тут же забыл об этом, по-прежнему жал на газ и все хлестал, хлестал себя, как плетью, по лицу словами:

— Спекулянт, спекулянт!

Конечно, Маша не хотела оскорбить его, она только удивилась. Мало ли, кроме него, здоровых мужиков занимаются тем же, а женщин, пышущих здоровьем, что никакой мороз их не берет, еще больше. На производство бы

их. И тут же всплыла другая мысль: «Ведь они там были и не по своей охоте ушли...»

В сознании народа укрепилось исконное название этой профессии, но слово с перестройкой забывалось и если произносилось, то только сгоряча. И у Маши это слово вырвалось нечаянно. Она сказала: «Вот уж никогда бы не подумала...» И он никогда бы не подумал. Но жить-то надо! Тут же подумал, что такое объяснение его не оправдывало, можно жить и по-другому. Ведь живет же Маша! Опротивела ему торговля. И хозяина не хотел больше видеть, и сам себе опротивел. Сдал товар, рассчитался.

Подходила весна. Жена все чаще заговаривала о доме. И ему стало тесно в этих стенах, от сутолоки на улицах. Неодолимо тянуло на деревенский простор. К прилету грачей они были дома. Софья Васильевна летала, как на крыльях. Сама вскопала грядки, ни разу не пожаловалась, что молодость далеко.

Василий Макарович с утра уходил в гараж. Там пилил, строгал, делал ульи. Заходившему к нему перекурить отставному сторожу Михеичу он не раз говорил:

— Пчелы умнее людей. Пчела в одиночку погибнет, а вместе, семьей, они делают чудо.

Заветную тетрадь он хранил в гараже. Во время перекуров часто перелистывал ее. За ужином ни с того, ни с сего как-то сказал Софье Васильевне: «В 1978-м в этот день закончили сев льна». А в другой раз сказал: «В 80-м от дождей и переизбытка азота лен стал полегать. Подкормили калийными удобрениями. Поправился».

Каждую осень я езжу на родину. Пасека Василия Макаровича разрослась. Мед я покупаю только у него.

Старики на трудовом перевоспитании

...И развелись на Руси полчища демократов-реформаторов, один другого речистее да хитрее, правду смешивали с ложью. Слушал их народ с утра до вечера и не один день, и не один год, а наслушавшись, отупев, решил: все они годны в депутаты.

Засели депутаты в Думе – теперь они единороссами называют себя, – потеснили коммунистов и стали думу думать, как окончательно изжить советскую власть, чтобы и корней ее не осталось. Раскидывают и так, и сяк своим умом депутаты – ничего не получается, мудреная задача. Позвали американцев. А у тех уж давно все придумано: надо подорвать основу советской власти, растащить по себе народную собственность – заводы, фабрики, землю и все, что в ее недрах находится, а на селе развалить колхозы.

Так и делали посредством обманных бумажек – ваучеров. Растащили все по себе да по подчиненным и еще пуще стали кричать по радио и телевидению, что это хорошо, что народу для грядущего счастья только этого и не хватало.

Чтобы развалить колхозы, стали долдонить, дескать, народ в них разложился, обленился, прячутся колхозники один за другого, не разобрать, кто хорошо работает, а кто плохо. По-ихнему, по-реформаторски, это обезличкой, уравниловкой называется, а колхозы – черная дыра. А раз так, то землю поделить надо, чтобы каждый работал сам по себе. И будут тогда молочные реки с кисельными берегами.

Получили люди земельные наделы, возрадовались, до-

мики, иные даже двухэтажные построили.

Так и старики наши – Епифан Самуилович и Евфросинья Петровна – на исходе седьмого десятка лет своей жизни тоже надел получили и тоже домик построили, маленький, досчатый, чтобы от непогоды было где укрыться.

Раньше всех они появляются в поле, позже всех уходят. Копают землю. Евфросинья Петровна срезает лопаткой тоненький блинчик, Епифан Самуилович захватывает побольше. В первый год уродилась картошка сносная. На второй - похуже, потом еще хуже. Земля - она живая, совестится, что не может отблагодарить стариков, оправдывается: сил моих нет, не могу больше, навозу бы мне. Понимают это старики, да где его взять, навоз-то – дорого.

Прошлым летом переневолился старик, за один день окучил картошку, слег, врачи сказали - инфаркт. Помогли Евфросинье Петровне убрать картошку добрые люди.

В эту весну клали в каждую лунку по щепотке суперфосфата да по горсточке золы. Приехали посмотреть всходы. У соседа они кустистые, лист полный, синевой отдает. Он каждую осень навоз запахивает. А у них листочки зелененькие, как ранней весной на березах.

В другой раз приехали. На кустах жуков колорадских видимо-невидимо. Стала Евфросинья Петровна их в решето собирать: хлестнет ладошкой по кусту – они и сыплются, как горох.

— Пифа, а Пифа! Оглох что ли?

— Ну что тебе?

— Я их в керосин кладу, а они все живые. Керосин что ли плохой?

— Не в керосине дело. Он хороший. Порода у них та-

кая живучая. Огнем их надо.

Подожгла старуха керосин: ага, бубайсово отродье, дармоеды ненасытные, закорчились. То-то вас, так-то. Нашлась и на вас управа…

Окучивать картошку старик технику приспособил. Маленький окучник сделал. Пятится с ним мелкими шажками, борозду направляет. Опять Ефросинья Петровна:

— Больно уж ты, Пифа, горячо взялся. Отдохнул бы немножечко.

Не стал старик отдыхать, только шажки стал поменьше да пореже делать.

Потом сорняки пошли, два раза их выпалывали. Пришло время копать картошку. Пригорюнились. Спрашивает Евфросинья Петровна:

— Что же это, удобряли и дождей было много.

— То-то и оно, что много, — отвечает ей старик, — задохнулась земля, оттого корни загнили, а потом и лист побурел, нечем стало улавливать солнечный свет. Кабы знал, что такая напасть будет, сделал бы бороздки помельче.

Мотоциклист увез урожай за один раз в коляске.

— Как же мы теперь без картошки-то? На базаре ее не купишь...

— Как, как, — досадует старик, — не у нас одних такое. Кашу будем варить. А картошку эту по праздникам, в мундирах.

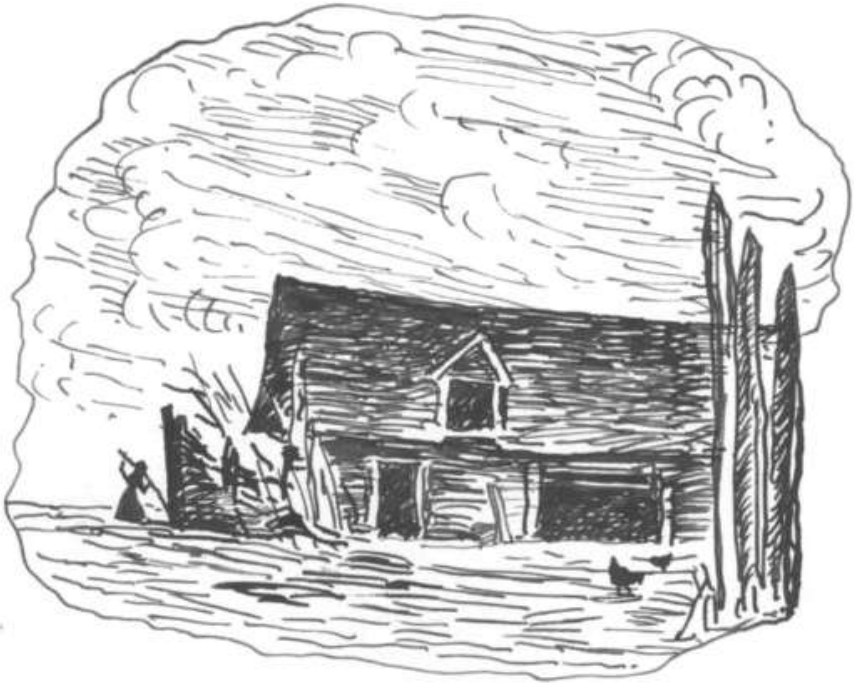
Те, кто помоложе да в силе, давно побросали свои наделы, теперь до соседа не докричишься. Гибнет поле, зарастает березняком да дурной травой. А старики не могут оторваться от земли, жаль ее бросать. Планируют откладывать

понемногу от пенсии на навоз да на семена. Только вот говорят, льготы отменят, а от города ехать автобусом 9 километров да еще один километр пешком.

Ну да ладно, перебьемся как-нибудь.

И опять старики копают-переворачивают землю под зябь.

Не нужно было их определять на трудовое перевоспитание. Они никогда не ели дарового хлеба, с малолетства привыкли к труду. Без труда, праздно, им нет жизни.



В ОДНОМ ОКОПЕ С ГЕНЕРАЛОМ

«Генерал – один на двадцать,
Двадцать пять, а может, статься,
И на сорок верст вокруг».
А. Твардовский.

После освобождения нашими войсками Харькова мы – связисты – только и делали, что днем наводили связь, а ночью ее сматывали.

За время боев за Харьков и последующие два дня я узнал, каким жестоким было наказание узников, когда им не давали уснуть.

Меня кто-то тащил, я жалобно мычал, отбивался, норовил опять нырнуть в сон. Тот, кто-то, не отставал, я открыл глаза. Меня тормошил старший сержант Нацвалов.: «Да проснись же, ты!» Он мне показался противнее немца. Я огляделся. Бричка, под которой я спал, стоит на том же месте. Рядом храпит ездовой Петр Амелькин, поблизости пасутся две лошади. Солнце стояло за полдень, все мирно, никакой причины для паники. Нацвалов сказал: «Поступил приказ: беги на НП командира дивизии. Вот по этому кабелю». Я бежал и гадал: уж не разбомбили ли их? Кабеля было размотано катушки три. Он привел меня в маленький окопчик. К шестиномерному коммутатору было подключено четыре линейных провода, все они были замкнуты напрямую. Я позвонил на НП – не отвечают и не видно ни одного человека. Такого еще никогда мне видеть не доводилось. Рядом, на помидорной плантации, рдели крупные помидоры. Потом, потом... Километрах в двух впереди видне-

лась куща высоких тополей, среди них водонапорная башня, к ней примыкает длинное приземистое строение. За тополями что-то дымилось. Бой, если и был, то какой-то вялый, изредка доносились звуки разрывов то ли мин, то ли снарядов. На той стороне, откуда я прибежал, заклубилось, разрасталось облако пыли. Взвизгнули тормоза «виллиса» и «студебеккера». В нем вплотную, плечом к плечу, сидели офицеры, от младшего лейтенанта до капитана, все в новой форме и с автоматами. Из «виллиса» выскочил среднего роста, плотный, в полевой форме военный. На его плечах была одна генеральская звезда. «виллис», «студебеккер», генерал, — успел подумать я, — это командующий армией Манагаров. Вот тот смерч, который выдул всех с НП». Генерал скормы шагом подошел ко мне.

— С кем связь?

— Со штабом дивизии, первым и третьим полками.

— Давай, Павленко.

Отозвался старший сержант Вишневецкий.

— Пятого к телефону!

— Кто спрашивает?

— Первый!

Я не удержался и добавил: «Самый большой первый!» Услышав голос подполковника Павленко, я передал трубку генералу.

— Ты где сидишь? — генерал открыл планшетку, посмотрел на карту....

— Дорога от тебя просматривается?.... Подкрепления к немцам не подходят?....

— Что же ты топчешься?! Соседи справа и слева далеко ушли вперед, их фланги оголены! Ты забыл, что было

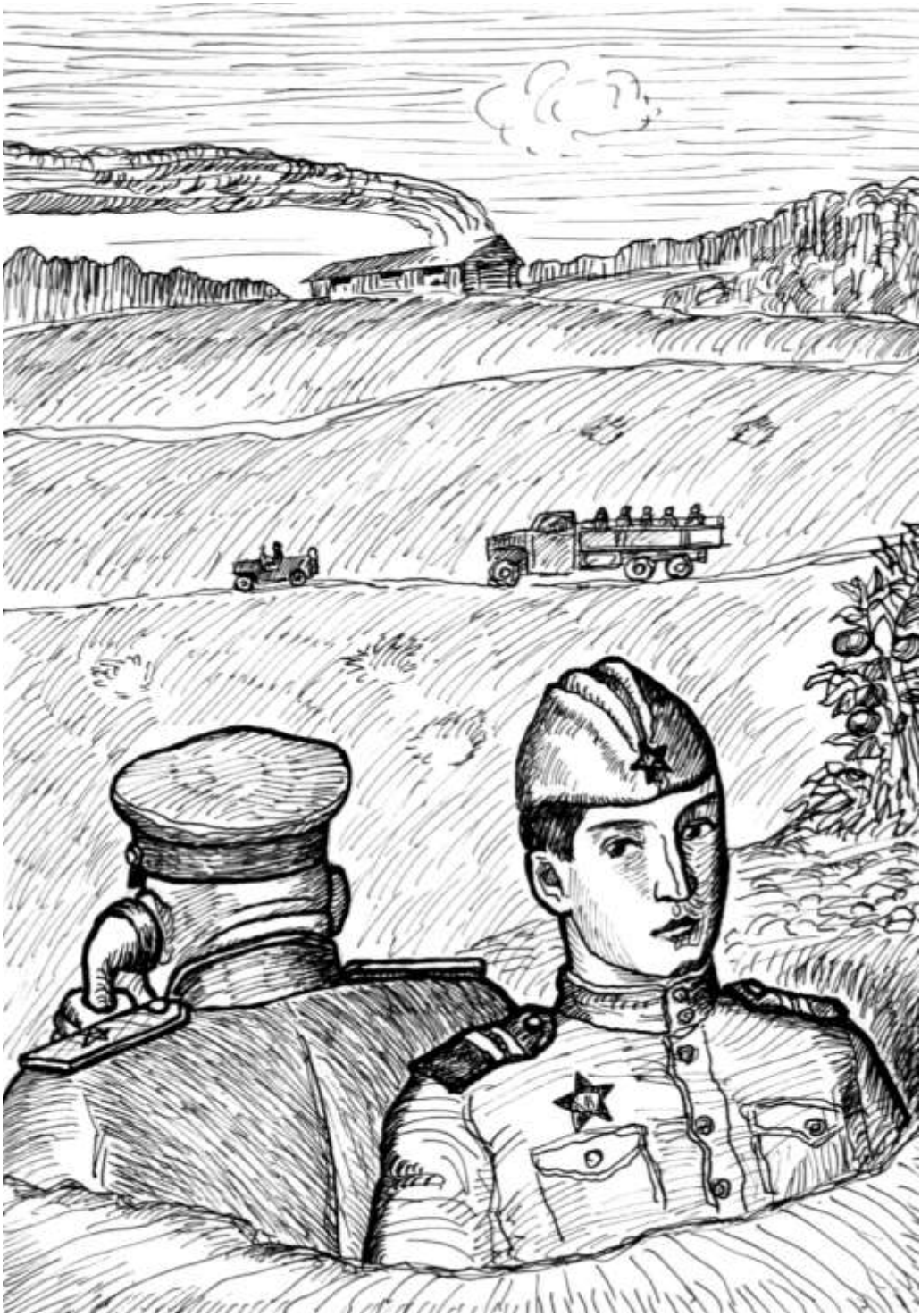
здесь в прошлом году!? Перед тобой всего один батальон.

Я перестал вникать в смысл слов генерала. Они, как тяжелые булыжники, били в одну цель: НАДО, НАДО! Потому что война! Потому что во что бы то ни стало НАДО! Генерал посмотрел на часы: «Сверим время. Сейчас 15.30. К 18.00 поселок должен быть взят! Ясно!? Отвечаешь головой!» Генерал в сопровождении офицеров умчался в сторону поселка.

Я долго не мог прийти в себя. НАДО! НАДО! Такое потрясение я пережил однажды, слушая по радио монолог Бориса Годунова в исполнении Шаляпина: ... и мальчики кровавые в глазах...! Но Шаляпин был великим артистом, а Манагаров, хоть и генерал, но был человеком, каких тысячи. Такая сила могла проявиться в человеке только в момент высшего напряжения его духовных сил. «Студебеккер», разворачиваясь, наехал на помидорную плантацию, окровянил свой след раздавленными плодами. «Что будет с офицерами, - думал я, глядя на этот след, -пошлет ли их генерал в атаку, ведь их хватило бы на укомплектование комсоставом целого полка. К вечеру поселок был освобожден. Последовал приказ развернуть связь в населенном пункте в двенадцати километрах впереди по дороге в сторону Полтавы.*

---

* В 1942 году здесь были окружены две наши армии. Путь немцам на Дон, Сталинград и Северный Кавказ был открыт



Две смерти

Мы сидели на берегу любимой речки нашего детства – Голубихи. Теперь она казалась маленьким ручейком, и гора, с которой катались на ледышках, тоже как бы осела. Мы с Капиткой были неразлучными. Наши матери звали нас «два помазка». Разлобок, на котором мы сидели, первым освобождался от снега, и мы, истосковавшись по лету, бегали босиком по еще холодной земле. Нас затаскивали на полок в бане и нещадно парили березовыми вениками ноги, изъязвленные цыпками. Мы орали во всю мочь. Потом ноги нам мазали гусиным жиром и наказывали строгим карантином: весна расцветала, а мы сидели порознь, каждый в своем доме и смотрели на нее сквозь стекла двойных оконных рам.

С тех пор много воды утекло в Голубихе. Капитка теперь пенсионер, заслуженный учитель, всеми уважаемый Капитон Иванович и я не Мишка, а Михаил Васильевич давно уже числюсь в звании деда. Мы говорили о нынешней жизни и, как всегда, вернулись в прошлое, в годы войны, потому что тогда была наша молодость, и другой, невоенной, у нас не было. Капитон Иванович рассказывал историю о двух смертях, свидетелем и участником которой он был.

— Было это во второй половине сентября 42-го года, — начал он свой рассказ. — Сталинград, в огне и дыму, из последних сил держал оборону. Нашу 239-ю стрелковую дивизию, обескровленную в десятидневном безуспешном наступлении, перевели на второстепенный участок фронта.

Пользуясь передышкой и теплым солнечным днем, я сидел в маленьком окопе и занимался не совсем благопристойным делом: обрабатывал на камне стреляной гильзой швы нательной рубашки. Полчища паразитов наступали на нас заодно с немцами. За два месяца пребывания в голой степи у нас часто не было достаточно воды, чтобы напиться.

Со стороны позиций передового полка доносились частые звуки разрывов бомб. Немецкие самолеты кружились в том месте, ныряли, взмывали вверх, перестраивались и снова заходили на бомбежку. Было это километрах в двух и не мешало моему занятию. Вдруг началась беспорядочная ружейная стрельба, затрещали автоматы. Прямо на наше расположение летел 2-моторный бомбардировщик «Юнкерс». Летел невысоко, на высоте не более 150-200 метров. У меня под рукой оказалась самозарядная винтовка напарника. Пули в ее патронах были с красной головкой – зажигательные. «То, что надо», — подумал я. Затвор винтовки почему-то не открывался, в спешке я ударил по нему прикладом автомата, раздался выстрел. Лицо опахнуло горячими пороховыми газами.

Судьба на этот раз благоволила мне: в момент удара ствол винтовки отклонился немного вперед. Я метился, не торопясь, в моторную часть самолета, был уверен, что попадал, но самолет не загорался. Из его кабины вывалился летчик, стропы парашюта вытянулись. Но он не успел раскрыться, и летчик, как куль с песком, шлепнулся шагах в двадцати от меня. Самолет пролетел еще метров триста и уткнулся в землю, взметнув в небо огромный султан дыма и огня.

Нас охватила безумная радость! Сколько дней «Юн-

керсы» и «Хейнкели» ходили по нашим головам, загоняли нас в щели...

Около летчика сгрудились бойцы: «Отлетался, стервятник», «Был стервятник, а теперь падаль».

Он был красив, этот немец, и одет, как на парад. На вид лет двадцать пять – двадцать шесть. Чистый голубой мундир, белая рубашка, галстук, лицо белое, холеное, без тени загара, ухоженные белокурые волосы. На мундире офицерский орден - белый крест.

Боец стал стаскивать с летчика сапоги. Откуда-то взялся начальник артиллерии дивизии подполковник Дреер. «Отставить!».

— Не пропадать же им, — сказал боец.

— Я сказал: Отставить! Закопайте его, как есть и землю разровняйте, чтобы никаких следов не осталось!

Летчика стащили в неглубокий ровик, закопали, землю выровняли да еще и притоптали. Никаких следов.

У меня не было ни ненависти, ни жалости к этому немцу. Он был для меня бездушным, ни на что не годным предметом. Я подивился такой перемене в себе. Смерть не только близкого, но любого человека всегда глубоко потрясала меня, а тут, видно, очерствело мое сердце.

Он был первым мертвым немцем, которого я увидел, но не потому он запомнился. До этого случая мне не доводилось видеть открытые глаза мертвого человека. Они меня 'поразили, в них я увидел смерть. Они были широко распахнутые, фарфоровые, в голубых зрачках зияла бездонная, как небо, пустота. Эти глаза вижу и сейчас, как наяву.

Он замолчал, закурил, густо дымя сигаретой.

— А вторая смерть? — напомнил я.

Это было уже в 44-м году, когда уже не было никаких сомнений в нашей победе, — продолжал он. После разгрома Яссо-Кишиневской группировки немцев наши войска почти беспрепятственно продвигались к Бухаресту. Танкисты настигли немецкий обоз. По всему кукурузному полю были разметаны повозки, бродили кони.

Я еще издали заметил, что в одном месте впереди идущие бойцы замедляли шаг, отходили в сторону. На обочине дороги вверх лицом лежал немецкий офицер, и такой же породистый, как летчик. Брюки и трусы у него были спущены ниже колен. Рядом лежал выпотрошенный ранец из телячьей кожи, разбросаны женские принадлежности: воздушные рубашки, кружевные трусики, бюстгальтер, подвязки и еще что-то. Бойцы, кто смеялся, кто смачно ругался, плевались и брезгливо отворачивались. Я почему-то представил себя на месте этого немца, что товарищи распотрошили мой вещмешок с таким добром, а кто-то скажет: «Барахольщик поганый». Ничего подобного не только в моем вещмешке, но и в мыслях у меня никогда не было. Котелок, ложка, кружка, полотенце, тетрадка, письма -вот и все мое обычное имущество. Иногда еще пакет с НЗ на случай, когда отстанет кухня.

В Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии в оставленных жителями домах мы много видели шкафов и сервантов, наполненных разными вещами, но ни я и никто из товарищей из моего взвода на них не позарился.

Я устал от войны. Она еще продолжалась. Возвращение домой казалось сказочной мечтой. И даже мыслей о том, чтобы запасаться чем-то на будущее, не возникало. В Румынии, в запасном полку меня демобилизовали, выдали

10 килограммов белой муки. С этим «трофеем» я - победитель и пришел домой после трех с половиной лет войны.

Я много видел и мертвых, и живых немцев, особенно в Сталинграде. Но ни один из них мне чем-то приметным не запомнился. Для меня у всех у них были одинаковые лица - ненавистные лица смертельных врагов.

А эти двое, когда вспоминаю войну, всплывают в памяти, будоражат душу.

Вот и вся история, — закончил свой рассказ Капитон Иванович.

Я тоже рассказал о нескольких случаях из своей фронтовой жизни. Мы засиделись. Солнце склонялось к закату. Голубиха перестала голубеть. Струи прозрачной воды причесывали придонную траву. Когда-то люди перегородили ее русло бетонной плотиной. Бетон раскрошился, оскалился железными прутьями арматуры. И тех людей, которые строили плотину, уже нет. А Голубиха все течет и в солнечные дни голубеет. Она не подвластна времени. Она сама - Время.

Герой одной из повестей грузинского писателя Нодара Думбадзе открыл «Закон вечности». Согласно этому закону, душа человека в 100 раз тяжелее тела. Одному ее нести не под силу. Он частями передает ее другому, тот – третьему и так до бесконечности. Потому и живет род человеческий вечно. Я счастлив, что рядом со мной на старости лет есть человек, с которым можно облегчить душу.

Свет

Первое, что я запомнил – был шум. Потом – тень. Она то приближалась ко мне, то отдалялась. Потом я увидел темноту и услышал скрип. Значит, я в то время уже был, но осознавал как не осознает трава, что она есть. Когда я увидел дневной свет, не помню. Это осталось незамеченным. Помню колеблющийся свет лампады, что стояла у икон, и свет от горевшей лучины. Но вот я увидел свет, яркий, ослепительный. Я осознал, запомнил, что это был свет солнца. Мне было тогда, наверное, года три. По отрывкам фраз, сказанных взрослыми, у меня сложились в целую картину самые первые впечатления. Мать приезжала за мной к своей матери. Шум был в избе бабушки, тень была от матери, темноту я увидел наглухо укутанным тулупом, скрипели о снег полозья саней. С того дня я отчетливо помнил все: мать и отца, братьев, дерево под окном, реку, поле и лес за ним.

* * *

Мне было шесть или семь лет. Мы с Капиткой – моим одногодком, открывали ворота при входе в нашу деревню прохожим, идущим из Городца с базара. День был жаркий. У нас было ве-

дерко с квасом, мы угощали прохожих. Нам давали кто грош, кто копейку, кто пряник. Прохожих мы выслеживали издалека, как только они выходили из-за леса на поле. Показались двое маленьких. То один, то другой из них, попеременно, то вырастали, то становился меньше. Мы встали в ряд и пошли. Когда шли не в ногу, получалось также, как у них – то Капитка становился выше, то я. Они подошли к нам. Один был такого же роста, как и мы. Позже мы узнали, что его зовут Мишка, того, что повыше – Пашка. Они были в матросских костюмчиках, обуты в сандалии. Пришли они из Городца к своей бабушке Секлетее. Она была самой старой в нашей деревне и редко выходила на улицу. Мы думали, что всегда была такой старой, что и все взрослые никогда не были такими, как мы. Прохожие шли до вечера. Мы еще раз сходили за квасом. За день на солнце разжарились так, что хотелось поскорее укрыться в холодок. В жару нам разрешили спать в амбаре. Едва мы забрались на сеновал, как я сразу уснул, как убитый.

Поле, обрыв под ним, внизу речка, я в матросском костюмчике. Разбежался, взмахнул руками и полетел, все выше и выше. Несказанное чувство радости охватило меня. Я летал над речкой, над полем, над деревней - видят ли меня? Потом стал снижаться, все медленнее и медленнее, и не почувствовал, как коснулся земли. Я жалел, что это был только сон, жмурил глаза, хотел заснуть, вернуться в сон и летать, летать... В избе у бабушки Секлетеи было полным-полно тараканов. Они выглядывали из всех щелей, шевелили усиками. Городецкие напросились спать с нами на сеновале. В тот день стемнело рано. Наползали тучи, сначала маленькие и светлые, за ними набухали огромные, черные.

Они закрыли все небо. Пашка рассказывал загробным голосом: «В темном-перетемном городе, на темной-перетемной улице был темный-перетемный дом, в том дому стоял темный-перетемный гроб, в нем...» Капитка прижался ко мне, я поджал ноги к груди. Мишка взвизгнул: «Ай, ай, ай!» Капитка вздрогнул. Пашка расхохотался: «Дурачки, испугались, наверное. Ничего не было». Мишка ехидно захихикал. Сквозь щели амбара все чаще просвечивали молнии. Я считал: сначала гром доходил после пятнадцати, потом девяти, пяти... Поднялся сильный ветер. По крыше забарабанил дождь. Дверь хлопала, никто не хотел спуститься вниз и прикрыть ее. Молния осветила весь амбар, и в то же мгновенье раздался гром такой силы, будто разодрало небо. Постепенно гроза стала стихать, сваливаться к лесу. В амбаре опять стало темно. Вдруг от Пашки вырвался луч света. Это была не молния, луч тонкий, спокойный пошарил по стенам, по крыше и погас.

— Пашка! Что это было?

— Фонарик электрический. Завтра покажу.

Электричество, электричество, — повторял я про себя, пока не заснул. Мне снилось электричество. Оно было похоже на стеклянный шарик. Из него выскакивали маленькие молнии, я ловил их. Они были холодными. Утром Пашка показал маленькую коробочку с выпуклым стеклянным глазком. Достал из нее коробочку поменьше с двумя усиками – блестящими пластинками. Пашка лизнул их, дал мне попробовать. Было похоже на что-то кислое, больно щипнуло. На дне коробочки была лампочка с ноготь, такая, как у Панфиловых, только те много больше. Они лежали на газете между двумя оконными рамами, обложенные гроздья-

ми рябины. Через нее проходит электричество, и отавах она загорается, — сказал Пашка.

* * *

Шесть лошадей тащили что-то большое на толстых бревнах, укрытое брезентом. Сбежалась вся деревня.

— Что везут?

— Сказали какую-то динаму.

— А зачем она?

— Сказали для света.

— Вместо керосинок что ли?

Всех детей лесорубов из окрестных деревень леспромхоз пригласил на новогоднюю елку. Мы долго шли через лес. Окна конторы и клуба, где стояла елка, ярко светились. На высоком столбе перед клубом горела лампочка, такая, как у Панфиловых. В лесу... Свет!?

* * *

В сельсовет провели телефон. Секретарь дядя Паша хоть ходил на костылях, но всегда был веселым: «Опять пришли, гаврики! Проходите, проходите - говорил он мне и Капитке. Мы встали рядом. Дядя Паша брал белый лист бумаги, линейку и быстро – вжик-вжик – чертил красным карандашом линии. Строчки получались с одинаковыми промежутками. Я смотрел, затаив дыхание: вот бы мне такую бумагу, вот бы мне научиться... Зазвонил телефон. Дядя Паша снял с крючка трубку: «Алло, алло! Слушаю», — и что-то говорил непонятное нам. Мы тоже сделали телефон. В пустой спичечный коробок положили палочку, к ней привязали нитку. К другому концу привязали палочку потолще.

Один из нас крутил палочку, другой прикладывал коробок к уху: потрескивало, шумело...

Вдоль большой дороги на столбах протянуты провода. У них были разные голоса. В морозные дни они звенели, в теплые – басовито гудели. Мы прикладывались к столбу ухом – шумело, но разобрать слов было нельзя. Может, тогда по телефону никто не говорил. Мы приходили еще раз, слушали все то же. Вот бы нам такую трубку, как в сельсовете...

Брат сделал радиоприемник. «Вот этот кристалл, — пояснял он, — детектор, он улавливает радиоволны». Мы надевали наушники, приемник нашептывал слова, музыку... Брат каждую субботу приносил мне по толстой книжке. Все про приключения. Для их прочтения были ночь, день и еще ночь. Я читал их на печке, за занавеской, при свете коптилки. Я восхищался благородством капитана Немо. Удивлялся, видя, как через толщу воды пробивается свет прожектора «Наутилуса». Мне был омерзителен коварный Флинт, топающий по палубе корабля деревянной ногой и орущий пиратскую песню: «Пятнадцать человек и покойника ящик, и ого-го и бочка рому» Я радовался, когда пираты дали Флинту черную метку? Мне хотелось стрелять из пулемета по пляшущим дикарям-людоедам, от которых чудом спасся Пятница под защиту Робинзона Крузо. Я видел блуждающую в степи лошадь со всадником без головы и страстно хотел, чтобы капитана Кассио догнали и тут же, на площади, повесили. Я восхищался проделками Тома Сойера и Гекльберри Финна. Это было запойное чтение, и оно прервалось тем, что я ослеп. До сей поры удивляюсь, почему я не впал тогда в панику. Должно быть, действие «запоя»

продолжалось. Всю дорогу, 13 километров, я рассказывал Капитке, провожавшему меня в больницу в Городец, разные истории.

* * *

Шла последняя весна моей учебы в семилетке. Клавка,из Долгуши, она училась классом ниже меня, всегда ходила в школу по ту сторону речки, через деревню Ложкино. Ленька, Жолька, мои одноклассники из той же деревни, ходили только через нашу деревню. Клавка прошла через мост и поднималась в рощу, к нашему дому. Я выскочил из-за стола. Она была в белом платье, на голове голубой платок. Такой нарядной я никогда ее не видел. Я смотрел, пока она на свернула за угол нашего дома. «Я догоню ее!» Мать пристально смотрела на меня. Кровь прилила к моему лицу. Первый раз в жизни.

* * *

Безоблачной августовской ночью я и матрос-черноморец Николай Серов шли в Балахну. Миновали большой лес, дорога пошла в гору. Я увидел чудо: разгорались две зари. Одна с той стороны, откуда мы шли, другая - впереди. Она разгоралась все ярче, и вскоре рассыпалась на множество огней. Балахна! Там я узнал, как устроены машины, вырабатывающие электричество, научился измерять его силу амперметром, напряжение – вольтметром, мощностью – ваттметром, научился превращать его в вольтову дугу, сваривать и разрезать ею металл.

* * *

Сотни тысяч лет живет человечество, и только семь

тысяч лет назад люди научились выплавлять металл, изобрели колесо, плуг, стали возделывать злаки. Еще через шесть тысяч лет изобрели паровую машину – человечество стало выходить из младенческого возраста. С проникновением в святая-святых природы и открытием электричества и радиоволн человечество стало бурно взрослеть, научилось расщеплять атом, компьютеры стали думать за человека, управлять сложнейшими системами. Человек поднялся в космос. Ученые улавливают свет звезд, угасших миллиарды лет назад. Теперь люди переговариваются посредством «мобильников» с теми, кто рядом, и с теми, кто находится за тысячи километров. И никто этому не удивляется! Ведь все так просто: щелкнул выключателем – и стал свет!

Памфлет

Как оболтус в люди вышел

В долгожданном первенце родители души не чаяли, чутушкали, сюсюкали, оберегали его от мух и сквозняков, и пророчили ему в будущем славу.

Мать, считала в будущем он будет процветающим бизнесменом – вот он как жадно сосал грудь, исцарапал ее своими пальчиками.

Отец видел в нем будущего дипломата или, по крайней мере, профессора и показывал при этом на шишку на лбу и новорожденного. Это говорил он верная примета мудрости.

Только бабушка ничего не говорила, покачивала головой, считала, что ничего путного из него не выйдет, что он избалован.

А младенец тем временем подрастал, да подрастал, и пришло время идти ему в школу.

Учителя, между собой называли его оболтусом и тупицей, только один молодой учитель говорил, что он не совсем оболтус, что в нем есть демократическая искра, и, что со временем из нее возгорится пламя.

Но время шло, а пламя все не возгоралось, и молодой учитель понял, что искра у оболтуса была не от его ума, а от телевизора. Осталось неизвестным – то ли ученики подслушали учителей, то ли наоборот – только прозвище оболтус прилепилось к нему так прочно, что не отодрать никакой силой.

Даже до бабушки оно дошло какими-то путями.

Одноклассники не чурались его. На тусовках угощали всякой выпивкой. Он пил все и сколько угодно, но только на халяву.

Уроки он учил с пятой на десятое, но с помощью состоятельного отца протащился через все классы и получил аттестат зрелости. О поступлении в ВУЗ не могло быть и речи. А Оболтусу все же была, как сказал поэт:

«Одной лишь думы власть

Одна, но пламенная страсть…»

– страсть к телевизору. До позднего вечера. С детства забывал он не только об уроках, но и об обеде и об ужине.

Он бесконечно переключал каналы, выискивал передачи про детективы. Программы Спорт или культуры его совершенно не интересовали. Родители, замечая это его увлечение, надеялись, что со временем это пройдет.

Но оно не проходило, а еще более усиливалось.

Он и ночами бредил детективами и однажды в полусне его озарило.

Он с досадой больно хлопнул себя по лбу: «Как это я раньше не допер. Ведь все так просто!»

До него дошло, что в детективах все одинаково: и стрельба, и убийства, и погони на автомобилях с катастрофами, только чередуются они в разной последовательности.

Почему бы ему не сочинить сюжет такого детектива? Он завел картотеку детективных сюжетов, тасовал ее как колоду карт и получались разные фильмы. Первым он сочинил детектив под названием «Воскрешение повешенного». Двое ограбили инкассаторскую машину. Шофера и охранника убили. Денег очень много. Стали делить, поссорились. Один убивает другого.

Трое других бандитов наблюдали в бинокль эту сцену. Убийцу повесили. Веревка растягивалась, растягивалась и оборвалась.

У бандитов своя этика: повещенного однажды второй раз не вешают. Убийца очухался и перебил всех вешателей.

Открыл сеть «социальных магазинов». Деньги на всякий случай переводил в заграничные банки. Ходил в церковь. Сунул священнику сотенную. Купил свечу за десять рублей. Причастился и покаялся в грехах. И стал будто заново рожденным. Все его зауважали, избрали своим депутатом. Он стал самым непримиримым борцом за справедливость. Большой зал. Море света. Торжественная музыка. Гости ликуют. Депутата увенчивают роскошным венком из роз. Фейерверк. Крупным планом высвечивается лицо депутат. Конец фильма.

Оболтус нашел спившегося режиссера. Подобрал труппу из студентов театрального училища. В качестве музыкального сопровождения пусть тренькает гитара, грохочет барабан, звучат автомобильные сирены. Слова актеры подбирали согласно эпизодам, по своему усмотрению, так получили фильм.

Оболтус сообразил, что телевидение вечно голодает, что это бездонная прорва, сколько туда не вали – все мало. Если бы не реклама и не поддержка государства, то оно и недели бы не прожило.

Его фильм приняли и заплатили хороший гонорар. Потом все пошло легко. Оболтус основал свою студию, нанял помощников. Тасовал колоду с детективными кадрами. И следующий фильм приняли. За ним – другой, третий и за все платили дурные деньги. Теперь Оболтус только иногда

заходил в свою студию. Как шеф-повар, подсказывал – вот это надо подсолить покруче, вот это поперчить, сюда надо добавить пару убийств, сюда секса. Он ее зарезал. Нож покажите окровавленный. Заставьте следователя-оборотня, который «крышует» преступников, сюда – раззяву мента, у которого престпники убегают. Получилось не хуже, чем в сериале «Улицы разбитых фонарей». Оболтус обзавелся «Мерседесом», строил особняк в четыре этажа на престижной улице. Родители, переродившиеся в новых русских, были довольны сыном и даже гордились им. Только одна бабушка на дух не перепела его, считала божьим наказанием за грехи своей молодости. Да и что с нее было взять? Она закостенела в советских пережитках и к тому же была еще верующей.

К 65-й годовщине окончания Сталинградской битвы.

Говорят, что не плачет солдат – он солдат,
И что старые раны к ненастью болят.
Но вчера было солнце и солнце с утра…
Что ж ты плачешь, солдат, у святого костра?

Ю. Началов

В СТАЛИНГРАД ЗА СОЛОМОЙ

Летом 1972 года была жестокая засуха. Пострадали верхняя Волга, центральные районы, Черноземье. Горели леса, болота, на главных шоссейных дорогах из-за большой задымленности приостанавливалось автомобильное движение. Высохли не только посевы, но и трава. Не выдержала даже кукуруза. Зима грозила бескормицей. Из Польши завозили картошку, а вместе с ней и новую американскую напасть – колорадского жука.

Областные власти решили завозить солому из Сталинградской области. От нашего района послали меня. В самолете рядом со мной оказался Константинов с Троцы. Он летел на Каспий испытывать судно на воздушной подушке. Показалась нескончаемой цепь огней Сталинграда. С восточной стороны они были отсечены Волгой и меркли вдали. Город раскинулся на 65 километров. Сосед спросил: «А где ты будешь ночевать, ведь время позднее?...»

— На аэродроме, наверное, есть гостиница, я взял с собой удостоверение и медаль «За Оборону Сталинграда». Место должны дать.

В гостинице перед конторкой администратора стояла

женщина с девочкой лет четырех. Похоже, что стояли они давно. Девочка жалась к ноге матери, куксила кулачками глаза. Вошли трое кавказцев и сразу получили ключ от номера. Администаторша смотрела на меня и, конечно, видела мою медаль, но ничего не говорила. Я тоже молчал, думал, что если мне дадут место, то этой женщине придется стоять еще дольше, может, до утра.

Так и не решившись назваться, я вышел на перрон, сел на такси и уехал в Сталинград. Я поторкался в дверь гостиницы, потом постучал раз, другой, швейцар не подходил. Поблизости от привокзальной площади я нашел скамейку, расположился на ней и вскоре уснул. Проснулся от того, что что-то щипало мое лицо и руки. День уже занялся, оказалось меня кусали божьи коровки, их было множество. Трудно было найти место, чтобы не раздавить их. Французы приезжая в Сталинград, видели, что от несметных полчищ тли на деревьях свертывались и жухли листья, и прислали в контейнерах божьих коровок. Их разбросали над городом самолеты.

В облисполкоме мне дали бронь на место в гостинице. На карте показали места, удобные для заготовки соломы. Я выбрал район хутор Вертячий. Там я был в войну, помнил, что Дон близко, это удобно для погрузки соломы в баржи.

Соседом по номеру в гостинице оказался заместитель председателя облисполкома Горев Александр Федорович. Я купил походные шахматы, он – бутылку коньяка. И мы душевно провели первый вечер в Сталинграде.

Маленьким самолетом на 24 места я летел над степью, жадно всматривался вниз, надеясь увидеть хоть какие-то следы войны, и ничего не увидел. Время все стерло. В сало-

не гомонили женщины, возвращавшиеся с городского рынка: корзины, молочные бидоны, котомки. Похоже, что они все были давно знакомы. У них не было и тени переживаний, что были у меня. Они были слишком молоды, чтобы помнить войну и жили настоящим. Самолет приземлился раз, еще и, наконец, – хутор Вертячий. Взлетно-посадочная полоса грунтовая, на высоком шоссе что-то вроде сачка должного указывать направление и силу ветра. На хуторе двухэтажные каменные дома, школа, клуб. Прошел в контору совхоза. Здесь меня ожидал сюрприз. За столом в кабинете директора сидел мой знакомый. С ним мы прошлым летом отдыхали в подмосковном санатории «Лесное озеро», по утрам сидели на берегу с удочками. Он сразу узнал меня: «Гля, ба! Каким это ветром тебя занесло?»

— За соломой приехал. Слышал, наверное, что у нас засуха

— Этого добра у нас навалом. Берите сколько надо, заплатят только за погрузку на баржи. Потом в его квартире мы хорошо, но в меру, посидели. Я рассказал, каким видел их хутор в декабре 1942 года. Не было ни одного целого дома, одни обгорелые стены и обрубки печных труб. Среди пленных наш солдат узнал своего земляка-одностаничника, материл его и бил по морде. Наши потери были большими. Вспомнил, как тянул кабель к хутору и увидел котелки. Их было шесть. Содержимое в них затянулось ледяной коркой. А немного дальше лежали трое наших солдат. Все вряд, головой в сторону хутора. Поземка заметала их.

Тем же самолетом я вернулся в Сталинград, доложил по телефону в район о результатах своей разведки. «Посоветуемся еще раз, позвони через два дня», – ответили мне.

Правый берег волги, здесь в центре города, где вокзал, гостиница, облисполкрм, площадь Павших борцов – высокий. От войны остались только руины Дома Павлова и мельницы. Они были совсем близко от Волги. Не верилось, что только эта узкая полоска земли оставалась нашей, а все остальное было под немцем.

Я много раз видел по телевизору и на открытках скульптуру «Родины-Матери», но то, что увидел наяву, было настолько неожиданным, невероятным, что сознание отказывалось его воспринимать. Это было оглушительно неправдоподобно. Огромная скульптура (высотой 70, а может 80, метров) казалась невесомой. Она парила в небе, как облако. Левая рука скульптуры откинута, в призывно высоко поднятой правой – меч. Естественным пьедесталом скульптуры был сам Мамаев Курган – столь же высокий. К его вершине вела бетонная лестница. Она была озвучена. На площадках слышались звуки оружейной и пулеметной стрельбы, разрывов гранат, редкие отдаленные крики «Ура!». На вершине кургана – приземистый пантеон. Откуда-то лился слабый мертвенный свет, тихо звучала скорбная музыка, стены – без единого окна – увешаны табличками с именами павших защитников Сталинграда. В центре зала взметнувшаяся из-под земли рука: мне представилось, что тот, кто был там, в земле, просит: «Не забывайте нас!».

Грудь у меня стеснилась. Я поспешно вышел из пантеона, за его стеной припал грудью к парапету и безутешно разрыдался. Такого со мной никогда раньше не было.

Говорят, что время лечит все болезни и раны. Неправда это! Раны, нанесенные душе, не заживают. Боль от них притупляется, опускается черным комом вглубь души, и, если

наносится свежая рана, то всплывает и взрывается с еще большей силой, чем прежде. В мире много грандиозных сооружений. Некоторые из них называют Чудом Света. Но они мертвы и не вызывают иного чувства, кроме удивления.

Скульптура Родины-Матери одушевлена памятью о сотнях тысяч павших защитников Сталинграда, и потому она пребудет вечно живой.

В тот же день я поехал разыскивать балку Солдатскую, где ровно 30 лет тому назад 17 сентября 1942 года наша дивизия вступила в бой. Ориентирами для меня были только совхоз Котлубань и речка того же названия. Я сошел с рейсового автобуса у примыкающей к шоссе дороги, ведущей в строну совхоза. Моросил нудный дождь. Пройдя с километр, увидел высокий забор из бетонных панелей, железные ворота, с нарисованной на них красной звездой. Часовой позвонил по телефону: «Пришел ветеран, просит указать дорогу к Солдатской балке». Командир ответил: «Пусть подождет, скоро приедет замполит». Я снова вышел на дорогу. Дождь перемежился. Остановилась совхозная машина-летучка. Двое парней посоветовались между собой: «Все равно комбайны не работают». И подхватили меня.

Мы ехали минут пятнадцать, шофер остановил машину: «Это Солдатское поле, дальше ехать нельзя – заминировано». Балку и речку я не увидел, но решил не утруждать больше парней. Все равно своего окопа, где меня засыпало землей, я не найду, все давно заплыло. Ведь столько лет прошло. В ближайшем поселке я купил две полулитровки водки. Остановились в придорожной полосе, у памятника-пирамидки лейтенанту. Он был моим ровесником. Пирамидка свеже покрашена, фотокарточка не выцвела. Помя-

нули лейтенанта и всех тех, кто нашел последний приют в земле этого неоглядного поля. Сколько их было, теперь никто не знает.

Той же дорогой выехали на шоссе. Мои провожатые отчаянно махали руками проезжавшим машинам. Остановился автобус. На передней площадке стоял пивной бочонок, компания возвращалась с пикника. Похоже, что на пикнике они пили не только пиво: шла шумная разборка, кто-то порывался обнять чужую жену. Меня тоже угощали водкой. Отказался. Я был и без того «хорош».

Перед въездом в поселок я разглядел указатель в Гумрак. Гумрак? Гумрак!!! Это здесь в январе 43 года я бежал на повреждение провода и столкнулся с колонной немцев. Они выходили из балки мне навстречу строго по два, без оружия. Шедший впереди офицер спросил меня: «Гумрак?». Я показал ему рукой: «Там, там…». Я стоял, пока пройдет строй, их было человек 70-80. И только когда они прошли и я не увидел наших конвоиров – испугался. Провод был перерезан ножом.

Ребята смеялись надо мной: «Размазня ты! Пришел бы во главе колонны и доложил по всей форме. Так мол и так, самолично взял в плен, глядишь – и медаль». «А что будет за то, что я не выполнил приказ, не наладил связь? Вот то-то».

Мы шли по заснеженному полю и увидели что-то похожее на беспорядочно застроенный поселок. Оказалось – аэродром, и на нем много самолетов и разной другой технике. На наших глазах взлетел и набирал высоту большой транспортный самолет. Нас было много. Мы густо стреляли из винтовок, автоматов и сбили его. Тогда был мой послед-

ний выстрел под Сталинградом.

Утром позвонил в район. Сказали: «Перебьемся». В Сталинграде мне делать было больше нечего. Свою задачу я выполнил. Домой привез осколок немецкой бомбы, подобранный на Солдатском поле. Впервые его вспахали спустя 6 лет после моего там пребывания. Об этом писали в центральных газетах.

Живо, тито, жвео, сталин!

Разведчики доложили, что большое югославское село, в двух километрах от нас, немцы оставили, их преследует батальон сербов.

День клонился к вечеру, когда наша команда в составе 10 человек подходила развернутым строем к этому селу, все еще опасаясь, нет ли там немцев. На окраине было большое скопление людей, вышедших встречать нас, непривычные к таким встречам солдаты замедлили шаг, отступали за спины товарищей.

Народ хлынул на нас, окружил, все перемешалось: приветственные возгласы, объятия, поцелуи, цветы!.. Вся моя команда растаяла. Солдат на перебой разводили по домам.

Не помню, как я очутился в большой комнате, за столом сидели одни убеленные сединой старики, около хлопотали разряженные девушки. Мне, бывшему тогда в звании старшего сержанта, был оказан прием, достойный генерала.

Старик, сидевший во главе стола, позвал меня, усадил рядом.

— Живео, Тито, живео, Сталин! — провозгласил он первый тост.

— Живео, живео, — вторили старики и тянулись ко мне с бокалами.

Я тоже провозгласил тост: «За нашу победу! Гитлер frgen!». И опять все дружно осушили бокалы. Старший потрогал на моей груди орден:

— О, царевна звезда! — обнял и поцеловал меня. По-

том стал рассматривать медаль. Я сказал:

— Сталинград.

— Сталинград, Сталинград, — восхищенно повторили старики. Видимо, они хорошо знали это слово, как и то, что оно значило для их борьбы с немецкими оккупантами. И опять следовали тосты, понятные и непонятные мне, и всякий раз упоминалось слово «другарь», «русский другарь».

Девушки несуетно меняли блюда, честили виноградом, яблоками, а в заключение спели нашу «Катюшу» в мою честь. По обычаю я должен был подарить им что-нибудь или поцеловать. Дарить мне было нечего. И, я, первый раз в жизни, да еще при народе, робко поцеловал девушек. Старики усмехались: Еще, еще! Да и девушки были не против. Их кавалеры воевали в партизанских отрядах.

Допозна не утихало на улице веселье, девушки пели, танцевали. Допозна я не мог собрать свою команду.

Фельетон

Или сон, или явь?

Иван Феофанович страдал бессонницей. Врачи прозрачно намекали на его более чем почтенный возраст. Дескать, что же ты хочешь? – Время! Советовали больше употреблять витаминов, да не тех, что таблетках, а тех, что на столе. «А на какие шиши я их куплю», — думал Иван Феофанович. Нашелся один мудрый врач. Он посоветовал думать в постели о чем-нибудь приятном. «Вот это мне подходит», — подумал Иван Феофанович. — Думать я могу, тем более что бесплатно. И знаю о чем».

Он купил корзинку, ладненькую такую, из белых прутиков, по размеру ему как раз впору. Снял с тумбочки телевизор, задвинул его за кровать в угол, а на освободившееся место поставил корзинку. Хорошо получилось! Смотрел, смотрел на корзинку и незаметно вскоре уснул. Ходит он будто бы по лесу, расшвыривает палочкой прошлогодние траву и листья. Белых грибов еще нет, но вот в зеленой траве, под осиной засветились красные фонарики. Боровики! Крепенькие такие! Иван Феофанович срезал их аккуратненько и бережно складывал в корзинку. Радостно на душе, солнце ласкает, птички поют. Но вдруг из кустов выскакивает, как черт из табакерки, чучело. На нем драная шинель с зелеными петлицами, в руках – ружье, а голова козлиная. «Свят, свят, свят! Матерь-троеручица, угодники Божии, спасите»! — взмолился Феофанович. Кинулся бежать, а ноги не слушаются. А тот, с козлиной головой, в три прыжка догнал его, сцапал за воротник: «Ага! Попался! Не вздумай

бежать, старый хрыч, — проблеял он. — Пристрелю! Показывай документ!». «Нет документа, — ответил Феофанович». «Тогда плати штраф!». «Денег нету». «Тогда будем составлять протокол, как твоя фамилия?».

Феофанович помнил, что была у него фамилия, а сейчас, с перепугу, убей, не помнит. Забыл напрочь, помнил только, что она была русская.

Проснулся Иван Феофанович в холодном поту. «Надо же присниться такой чертовщине!». Корзину с тумбочки он не убрал, решить повторять сеанс аутогенной тренировки. Но легко это сказать, но после того случая нелегко сделать. Неприятные думы со всех сторон наваливались на него, запали в голове и не давали места приятным. Он собрал до капельки всю оставшуюся силу воли в кулак и опять стал смотреть на корзину. И в следующую ночь, и в третью ему снился все тот же кошмар. «Наверное, с головой что-то случилось, надо идти к врачу». А сам сомневается в этом, и все думает, думает – ищет причину.

Подвернулась ему под руку старая газета. Он, когда была свежая, прочитал ее мельком – зубы у него болели. А в подсознании прочитанное засело и во сне всплывало. Теперь он от нечего делать прочитал, что написано в газете и… о, ужас! Местная дума решила передать частному лицу все леса в аренду на 49 лет. Он был готов ко всяким ударам, но такого коварного не ожидал. «Что же теперь будет-то?» — думал он. — Бывшие колхозники продают землю-кормилицу дачникам за гроши, те возводят высоченные заборы с колючей проволокой, перегораживают дороги, заводят злющих собак. Плохо, конечно, но ничего не поделаешь. Раз такой закон, придется как-нибудь приживаться и к

этой напасти», — думает он. — А что если и реки приватизируют? А там, не приведи Бог, и воздух?!». И представилась ему такая картина: все люди ходят в респираторах, в них встроены ограничители, чтобы человек не выдышивал воздуха больше того, за сколько заплатил. Есть респираторы с ароматизирующими веществами: хочешь – нюхай воздух с запахом фиалки, хочешь – с запахом ландыша или розы. Но это по карману только богатым. Совсем бесплатно, без респиратора, разрешается дышать не дальше, чем за 100 метров от городской свалки. Развелось много мелких спекулянтов. Они продают воздух, расфасованный в мелкую посуду. «Придется экономить на еде», — думал Иван Феофанович. — Только долго ли проживешь с такой экономией? А может, оно и лучше. Тогда и воздух не потребуется».

П. Дунаев.

Советское время в песнях

В начале 20-х годов кончилась гражданская война. Были изгнаны интервенты Антанты из Мурманска, Крыма и Дальнего Востока.

В праздничных колоннах пели:

«Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход!»,

или:

«Наш паровоз вперед летит,
В коммуне остановка.
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка!»

Проходил первый НЭПмановский угар. Страна занялась ликвидацией разрухи, и пели другое:

«Мы мирные люди,
Но наш бронепоезд
Стоит на запанном пути».

В начале 30-х годов жизнь стала постепенно налаживаться. Народ с огромным энтузиазмом выполнял первый пятилетний план. Пели частушки:

«Пять – в четыре,
Пять – в четыре,
Пять – в четыре,
А не в пять».

Девушки комсомолки, красные косынки. В деревнях женщины писали грифельными карандашами:

«Мы – не рабы,

Рабы – не мы».

Молодежь грезила революционной романтикой:

«Они ехали долго в ночной тишине,
По широкой украинской степи.
Вдруг в дали, у реки, засверкали штыки.
Это белогвардейские цепи.
И бесстрашно отряд поскакал на врага,
Завязалась кровавая бита.
И боец молодой вдруг поник головой –
Комсомольское сердце пробито».

Была у молодежи еще любимая песня:

«Орленок, орленок,
Взлети выше солнца,
И степи с высот огляди.
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один».

Пели, и каждый мнил себя не орленком, а орлом, на коне саблей в руке и в буденовке на голове. Родилась плеяда героев мирного времени: Стаханов, Бусыгин, Кривонос, сестры Виноградовы, Паша Ангелина, Чкалов, Байдуков, Беляков, Громов и Леваневский.

Строились Днепрогэс, Магнитка, Горьковский автозавод.

Но алчные буржуины не унимались: Италия развязала войну против Абиссинии. В Испании фашисты подняли мятеж, рвались к власти. Наши бойцы-добровольцы воевали там на стороне республиканцев. Среди молодежи тогда была популярная песня «Гренада». Она облетела весь мир:

«Но «Яблочко» песню играл эскадрон.
Где же, приятель, песня твоя?

Гренада, Гренада,
Гренада моя?
Пробитое тело
На землю легло.
Товарищи впервые
Оставил седло.
Я видел над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Молодежь верила в счастливое будущее. На радио каждое утро начиналось песней:

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек».

Но разгорался день, и звучала другая песня:

«А, ну-ка, девушки,
А ну, красавицы,
Пускай поет о нас страна.
И звонкой песнею
Пускай прославятся
Среди героев наши имена».

Во второй половине 30-х годов началась Вторая мировая война, Германия оккупировала всю континентальную Европу, подступила к нашим западным границам. Росло понимание неизбежности близкой войны для нас. Родилась другая песня:

«Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны.

В строю стоят советские танкисты,
Своей великой Родины сыны!».

И вот настал июнь 1941 года. Уже на второй день воинские эшелоны из Москвы уезжали на фронт под звучавшую из репродукторов песню:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!»

И необъятная страна поднималась на борьбу с врагом, уходили на фронт все новые эшелоны, и стали напеваться другие песни:

«Я уходил тогда в поход
В суровые края,
Рукой махнула у ворот
Моя любимая».

Не менее популярной была песня «Огонек». Начались суровые военные будни. Гибли тысячи, сотни тысяч наших бойцов. У них была песня, и народ подхватил ее:

«Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза».
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага»

или: «Эх, дороги...»:

«Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.
Знать не можешь доли своей,
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
Выстрел грянет,
Ворон кружит, твой дружок в бурьяне
Неживой лежит».

Четвертый год шла война. Чувствовалось скорое ее окончание.

Истосковались сердца воинов о Родине. Сказочной мечтой казалось возвращение живыми домой. И родилась другая песня:

«Горит свечи огарочек,
Гремит недальний бой,
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей, фронтовой.
Налей, дружок по чарочке,
По нашей, фронтовой,
По-дружески, да попросту
Поговорим с тобой
Давно мы дома не были...»

Но вот и кончилась война. Ушли из Германии на восток эшелоны.

И звучала песня:

«Ехал я из Берлина,
По дороге прямой,
На попутной машине
Ехал с фронта домой.

Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла.
Там, где русская слава
Все дороги прошла.
Эх, встречай, да крепче обнимай,
Чарочку хмельную
Полнее наливай!»
Народ заждался своих сынов:
«Солнце село за горою,
Затуманились речные перекаты,
А дорогою степною шли с войны
Домой советские солдаты».
Одолели, победили всех врагов
В борьбе за Родину святую».
Но не всех солдат встречали жены:
«... Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.
Не упрекай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой,
Хотел я выпить за здоровье,
А пить пришлось за упокой.
Сойдутся вновь друзья-подружки,
Но не сойтись вовеки нам.
И пил солдат из медной кружки
Вино со слезами пополам».

Началась мирная жизнь. С недоеданием и упорным трудом. Но притуплялась боль от ран, нанесенных войной. Жизнь брала свое.

Снова зазвучали песни о труде и любви:

«Не кочегары мы, не плотники.

Но сожалений горьких нет.
Ведь мы монтажники-высотники,
И с высоты вам шлем привет».
«Снова замело все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно на улице где-то
Одинокая бродит гармонь.
То пойдет на поля за ворота,
То обратно вернется опять.
Словно ищет в потемках кого-то,
И не может никак отыскать».
И еще:
«Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы,
Как мне дороги
Подмосковные вечера»
И еще:
«Под городом Горьким, где ясные зорьки,
В рабочем поселке подруга живет.
Ох, летние ночки, буксиров гудочки…»

Правильный мужик

Это об Андрее Ивановиче Кручинине. За его плечами военная молодость с тяжелым ранением, трудные первые послевоенные годы, добросовестный труд в годы нормальной жизни. Он свидетель предательского удара, после которого пала мощная Советская держава, как разворовывали ее достояние. Андрей Иванович – занимательный рассказчик. Слушаешь его и насмеешься от души, и взгрустнешь, вспомнив свою прожитую жизнь.

Чего только стоят его рассказы о том, как они с отцом продали свинью и купили гармонь, как, вернувшись с фронта, он с приятелем ходил по заволжским деревням свататься, как, представившись секретарём райкома – тоже безруким, перехватил у Городецкого района фосму-ку, выбил в Заволжском АТП самосвалы и отправил ее в колхозы своего района. Много лет он был бессменным заместителем председателя колхоза «Гудок Октября». Теперь председатель ветеранской организации бывших колхозников. Член президиума районного совета ветеранов. Смотришь на него, слушаешь, и возникает в воображении стоящий на юру могучий дуб. Много бурь пронеслось над его головой, много гроз полыхало, а он все стоит, не гнется и не ломается. Потому что он правильный РУССКИЙ мужик. Теперь ему за 80. Он всегда считал себя в долгу перед Родиной и как любящий сын платил ей честным трудом.

Мой праздник

Я с нетерпением ждал прихода этого дня. И вот он наступил. На мне новая рубашка и черный костюм с орденами и медалями. Я накрываю стол свежей скатертью, ставлю букет тюльпанов, расставляю стопки, наполняю их вином и на каждую кладу кусочек хлеба. Вот эта стопка – память о капитане Ефимове. Он под Сталинградом заслонил меня от пуль немецкого автоматчика. Эта – памяти земляка из Первомайского района Владислава Куделькина. Мы с ним уговаривались после войны встретиться в самом лучшем ресторане города Горького. Не встретились. Он погиб под Харьковом. Это – Константина Нацвалова. Он как старший брат опекал меня всю войну. Погиб 9 мая 1945 года. Кинулся на крик солдата, подорвавшегося на мине. Там была еще одна мина на растяжке. Это – Маши Уткиной. Ее убил немецкий снаряд 30 апреля 1945 года в венгерском городе Обервард. Это – Феди Задкова. Он всю войну мечтал о встрече с любимой девушкой. Но это была только мечта. После войны в Карпатах застрелился от неразделенной любви.

Меня каждый год поздравлял по телефону Петр Амелькин. Я жду его звонка. Время вышло. Не позвонил. Значит... И его стопку я накрываю кусочком хлеба. Эти три – память о моих братьях: десантнике Арсении, танкисте Лукояне и моряке Степане. А этот стакан – память о ребятах из нашей роты, павших под Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре, в Югославии и Австрии. Я выставляю стопки в ряд, вот так. Они стоят как на параде. Я пытаюсь вспомнить лица павших. Они теснятся, наплывают одно на другое. Осушаю свою стопку.А вот этого не надо... Солдату плакать не положено.

Художник виноградов

Я видел его портреты, пейзажи на выставке в сентябре прошлого года. Без подписи, по манере письма художника, узнаю произведения. Сегодня я увидел новое, неизвестное мне ранее, не узнал его руку. Он написал картину: откос Покровской горы, спокойная гладь моря, две яхты, на них угадываются два парня и одна девушка. В голубом небе размытый силуэт чайки. Лица яхтсменов не прописаны. Пусть каждый, кто посмотрит картину, дорисует ее в своем воображении. Это была не зарисовка с натуры, а поэтический полет фантазии художника. Я сказал: «Сюрреализм». Владимир Евгеньевич согласился. Есть много художников, пишущих природу, перелески, тихие заводи, цветущие луга. Их картины удовлетворяют эстетические потребности многих людей, воспитывают у молодежи чувство любви к родному краю. За это им спасибо. Но отобразить природу в ее бесконечном разнообразии – это удел немногих. Их немного – Левитан, Айвазовский, Васнецов, Шишкин, Куинджи... Они запечатлены в памяти народа.

Забытая легенда

Пройдите от входа на старое кладбище 70 шагов вглубь 30 градусов направо. Увидите скромный памятник. На нем написано: «Сундуков Тимофей Федорович. 1908-1969». Он родом из крестьянской семьи Городецкого района. Из армии демобилизовался коммунистом. Был избран председателем колхоза «По ленинскому пути». С рассветом садился на коня, объезжал деревни, будил бригадиров. За перевыполнение плана заготовок леса для Балахнинского бумкомбината колхоз был премирован грузовым автомобилем – полуторкой. По тем временам это было неслыханным делом. Потом он был заведующим Городецким райфо, потом его избрали председателем Чкаловского райисполкома. В то время среди руководителей района был только один человек с высшим образованием, секретарь райкома партии Попов Лазарь Иванович. Остальные имели кто начальное, кто неполное начальное. Создали школу. Ее учениками были Сундуков, Фокин, Фигуров и другие. Занятия проходили в здании милиции, потому и школу назвали фигуровской. Все предметы преподавала одна учительница. К весне ученики получили Свидетельства об окончании семилетки. Телефонная связь была только с сельсоветами, дороги в распутицу были непроезжими до такой степени, что лошадь еле-еле тащила не нагруженную телегу. На 48 колхозов были всего две тракторных бригады. В каждой по три маломощных трактора «Фордзон». А надо было пахать и сеять, да чтобы в лучшие сроки. Надежда была только на коня. Сундуков был страстным его поклонником. Случись -пал в колхозе жеребенок, и председателя немедленно вызывали в райисполком, где он держал строгий ответ лично перед

Сундуковым. Там, где сейчас квартал Ломоносова, был ипподром, проводились скачки, выходил весь город и много наро да из деревень. Душой скачек был Сундуков. Главный судья Алексей Кандауров ударил в колокол, кони помчались. Надо было видеть, с какой гордостью Сундуков и его противники Пушков и Костромин восседали на качалке, управляя породистыми лошадьми. Публика волновалась, кто придет первым к финишу. Победителя награждали под оркестр, потом было массовое гуляние, работали буфеты.

Район постепенно становился в области более заметным. Судья Григорий Александрович Солдатов называл Сундукова партизаном. У него и впрямь были такие замашки.

Бородулинские строчи не вышли на прополку льна. Он на своем ГАЗике промчался 30 километров за полчаса. Как вихрь ворвался в цех и начал выбрасывать в окна со второго этажа пяльцы. А через несколько минут женщины, смеясь, тормошили его: «Пойдем с нами. Мы сделаем по две нормы. А то в нашей бригаде нет ни одного ходового мужика». Его знали все, от малого до старого. Матери путали своих озорников-безотцовщину: «Вот придет Сундуков!».

Он нагрянул в Пуреховский сельсовет. Председатель Леонид Мухин созвал в свой кабинет нежелающих подписываться на заем. В кабинете было жарко, а он все подкладывал и подкладывал полешки в печку-буржуйку. Сундуков распушил его, на чем свет стоит. Не согласные подписались. Как же – сам товарищ Сундуков! Оставшись с Мухиным с глазу на глаз, он только посмеялся над проделкой Мухина.

Между деревнями Демидово и Гребнево рухнула дорога, ни пройти, ни проехать, не переставая шел дождь. Рабо-

чие промокли до нитки. Сундуков пишет бумажку управляющему банком Юлыгину Василию Петровичу: «Выдать 500 рублей». Гонец возвращается с выпивкой и закуской. Прокладку бон закончили. Ходила такая байка: хозяйка, возвратившись домой, слышала через дверь в переднюю голос своего мужа: «Будь здоров, товарищ Сундуков! Будь здоров, товарищ Сундуков!» Потом муж приоткрыл дверь – сбегай за пол-литрой. И опять слышит: «Будь здоров, товарищ Сундуков!». А Сундукова там и не было. Он не проносил стакан мимо своего рта. Но никто не видел его пьяным. Сундуков накричит, нашумит, припугнет «согну в бараний рог», но он никого не отдал под суд за хозяйственные упущения. Однажды он так грохнул кулаком по столу, что отбил угол толстого стекла. Его помощник Илья Абрамович Бубнов прикрыл конфуз своего шефа толстыми томами законов, в которые тот никогда не заглядывал.

Шел июнь 1947 года. Заседание райисполкома началось в 2 часа дня. Директор райтопа Фокин Александр Федорович держал ответ. Он сбросил в Санохту партию делового леса. Сколько – знали только он да десятник. Лес до Чкаловска не доплыл. Сундуков метал громы и молнии. Бросает на стол ключи с левой руки направо, с правой налево. Престарелый начальник милиции Фигуров что-то старательно записывает. Управлящий банком Юлыгин глядит вприщур одним тазом. Прокурор Горохов дрыгает ногой – у него какая-то непонятная болезнь. Секретарь райкома Попов надувает щеки, с ним решение было согласовано. Большей представительности заседанию придавало присутствие заместителей председателя Будовой Фавсты Викторовны и Белова, начальника почты Акатышева Ивана Ефимовича, военкома Хозяинова, уполномоченного КГБ Кары-

шева, заведующих отделами райисполкома. Казалось, все - тюрьма Фокину. Но у Сундукова кончился запал, он в последний раз бросил ключ и сказал: «Записать выговор». Фокин, выходя из кабинета, застенчиво улыбался. Сажать в тюрьму было бы несправедливо, город заново перерождался. Лес, рейка, дранка, дрова – все шло только через райтоп.

Мы прозаседались. У заведующего райздравом Кузнецова Павла Федоровича «случайно» оказалась с собой коробка с настойкой боярышника. У Фокина – кое-какая закуска и бутылка водки. Заведующий комхозом Кордюков Константин Митрофанович взял на перевозе у Будова Алексея Лукича бредень и лодку, и мы поплыли навстречу восходящему солнцу.

Сундуков перед сессией или другим каким-нибудь серьезным собранием обращался к Будовой: «Фавста, начеркай мне что-нибудь». Но как только поднимался на трибуну, забывал о шпаргалке, минуя политику и успехи, садился на своего любимого «конька», говорил только о недостатках. Второй секретарь райкома Корепанов Петр Дмитриевич однажды сказал: «Удивительный он человек. Казалось, нет лучшего решения, а он его сходу находит».

В районе в то время было большое общество охотников. Оно издавало стенную газету. Ее редактором был весельчак и шутник, сотрудник «Сталинского пути» Кабаев Александр Михайлович. Говорили, что это он сочинил байку про Сундукова. Проводились выставки собак, соревнования по стендовой стрельбе. У охотников были в высшей степени демократические порядки, строго соблюдался ритуал – выпить «на первых кровях». За промахи больше всех доставалось Сунду-кову. Назаров крыл его всякими непотребными словами.

Район первым в области завершил электрификацию. Это был скачок в качественно новое состояние сельскохозяйственного производства. Всю организационную работу по кооперированию средств предприятий и колхозов, по многочисленным увязкам и согласованиям вытянули на своих плечах Сундуков и Будова.

Попов обвинил Сундукова и Будову в финансовых нарушениях. Они были, но мелкие. Сундукова сняли с его поста, и на той же неделе переселили в рядом стоящий дом, в менее благоустроенный на ул. Чернышевского. Попова избрали депутатом Верховного Совета РСФСР.

Поздней осенью, вечером, Сундуков, управляющий банком Алов Леонид Николаевич и я возвращались из Новинок. Показались огни Сицкого. Алов сказал: «Что, Тимофей Федорович, екнуло сердечко?». У Сундукова задрожали плечи, он глухо всхлипнул и ничего не сказал. Всю оставшуюся часть дороги мы проехали молча.

На улице Белинского Сундуков построил дом на 3 окна. Рядом Фокин построил дом на 4 окна. Их сосед и земляк Леонтий Петрович Горбунов прозвал этот угол застройки Уолт-стритом. В сравнении с особняками нынешних буржуинов дом Сундукова кажется сиротским. (Такой же сиротский дом построил первый секретарь райкома партии СП. Павлов). На большее у него не хватило денег. Он всю жизнь, как закаленное железо, от вращающегося наждачного круга сыпал искрами, но они никого не обжигали, а только зажигали. Он сгорел дотла к 61-му году своей жизни. Теперь мало кто его помнит. А наждачный круг все вращается, только искры не летят.

Исповедь фронтовика

Опять весна на белом свете. Опять день Победы, и не рядовой, а юбилейный.

В знаменательные даты было принято подводить итоги пройденного пути, отмечать достигнутые успехи.

Каковы они? За 10 послевоенных лет народ, отказывая себе в самом необходимом, восстановил подорванное войной народное хозяйство. Тридцать последующих лет шло развитие, укрепление народного хозяйства, в итоге было создано государство, равное в мире только США.

Мы первыми ворвались в космос. В домах появился достаток, мы имели лучшее в мире народное образование и здравоохранение, ежегодно, даже в таких маленьких городках, как наш, десятки, а то и сотни семей вселялись в новые благоустроенные дома, с символической квартирной платой.

Не было проблем с путевками в дома отдыха, санатории, на курорты.

Это был грандиозный успех, и народ гордился им.

К концу 80-х годов наметилось снижение темпов роста экономики. Нужен был человек, способный предвидеть будущее.

В Китае нашелся такой человек – Дэн Сяо Пин. Там провели реформы, не нарушая политической основы государства, и каждый год наращивали ВВП на 9-10 %.

У нас у руля государства оказался недалекий человек, краснобай, с пятном на лбу. Он обещал больше социализма, народ согласился, что побольше социализма не мешало бы. Но он выпустил джина из бутылки – про американски на-

строенных демократов-реформаторов, испугался того, что натворил и выпустил из своих рук руль. Его захватил Ельцин, жаждущий личной власти, способный только разрушать.

Был всенародный референдум. Более 70% населения всех республик высказалось за сохранение Союза ССР. Ельцин проигнорировал волю народа, подписал вместе с Кравчуком и Шушкевичем акт о независимости, и, возвратившись в Москву, провозгласил: «берите суверенитета, кто сколько проглотит». КГБ не арестовал его. Мало того – произошло непостижимое, невероятное: гордый, советский народ не вышел на улицу. Почему?!!!

Марксизм дает этому феномену объяснение: «…коренной переворот во всей социально-экономической структуре порождает острые коллизии. Революционный энтузиазм нередко сменяется психической усталостью». Так великая Российская империя, создававшаяся более 500 лет, и, унаследовавший ее Советский Союз перестали существовать.

В результате грабительской приватизации у нас кучка людей – семья Ельцина, Черномырдин, Гусинский, Березовский, Абрамович – хапнули народное добро, сказочно обогатились, стали миллиардерами. Теперь, по количеству миллиардеров Россия уступает только Америке.

У нас утвердился капитализм, но, не тот цивилизованный, что на западе формировался 200 лет, а дикий. Так его называют во всем мире.

Катастрофически разрушились производительные силы страны, остановились крупные промпредприятия, развалены колхозы, пустует, зарастает дурной травой земля, вы-

резан скот. Страна утратила продовольственную независимость. 50% продовольствия мы ввозим из-за границы.

Доллар стоил 97 копеек, теперь 28 рублей. Это означает, что денежный эквивалент продуктов труда нашего народа тоже похудел в 28 раз. Экономика России держится на нефтяной трубе. Если государство посягнет на миллиарды олигархов, то они могут осердиться, перекрыть кран, то же может произойти и из-за конкуренции нефтедобывающих стран, и тогда экономика России будет парализована.

Жизненный уровень народа резко упал. За годы реформ продолжительность жизни мужчин сократилась на 17 %, а женщин – на 12%. На одного родившегося приходится 3 человека умерших. Население России уменьшилось на 10 миллионов человек. Народ вымирает, вымирает молча.

Ельцин расстрелял высший конституционный орган – Верховный Совет. Народ не вышел на улицы.

Были выборы Президента. Силы сторон были неравными. На выборах президента победил не Зюганов, но и не Ельцин. Победила Америка. На ее деньги были куплены радио, телевидение, сонмище артистов.

Америка не хотела допустить восстановления СССР. США и Англия еще в 1945 году, боясь, что красное знамя будет реять над всей Европой, хотели начать против нас войну. Но не решились. Слишком велики были симпатии их народов к нашему, избавившему мир от фашизма. А через год было уже поздно. Советские ученые создали атомную, а вскоре водородную бомбу. Недругам не осталось ничего другого, как объявить холодную войну. Она продолжается до сих пор, хотя Россия и стала капиталистической страной.

Теперь американские военные базы вплотную подошли

к нашим западным границам. Они обосновываются в наших бывших союзных республиках, исключая Белоруссию.

За все послевоенные годы не было ни одного, когда бы Америка не вела войны. Вспомните Вьетнам, Корею, Панаму, Югославию, Ирак, Афганистан. США стали мировым жандармом. Теперь у них на прицеле Иран, Сирия и Судан – там, где нефть. Все послевоенные годы США выставляла СССР как «империю зла». Теперь видно, где эта империя.

Прошла череда новых реформ – монетизация льгот и ЖКХ. Народ вышел на улицы с протестом. Власти пошли на кое-какие уступки. Но главное было не в этих уступках, а в том, что народ начал выходить из оцепенения, осознавать свое право и свою силу, как и должно быть в демократической стране, если у нас таковая есть.

Состоялась общегородская встреча ветеранов войны. Было много блеска орденов и медалей. Были здравицы во славу Победы и ветеранов. Но ни разу не было упомянуто имя Сталина. Это объяснимо. На радио и телевидении, если упоминалось его имя, то, непременно с добавлением чего-нибудь порочащего. Это несправедливо. Историю можно переписать, но ее, как и само время, нельзя повернуть вспять.

Нам – ветеранам – нанесли горькую обиду, не дав дожить свой век с паспортом «серпастым, молоткастым» и, тем самым, еще прижизненно поставили крест на нашем прошлом. А ведь и подождать-то немного осталось!

Мы – ветераны войны – благодарны Президенту и Правительству за обеспеченную старость. Большинство из нас довольно своим сегодняшним благополучием и ничего больше не хочет. Но многим этого мало. Они готовы перей-

ти на хлеб и воду, лишь бы восстановить Советский Союз и Советскую власть. Рядом с нами живут рабочие, служащие, пенсионеры с нищенскими зарплатами и пенсиями. Это несправедливо, этого не должно быть.

Власти ищут пути сближения с народом, организуют пышное празднование Победы. С каким настроением встречать этот день? От плодов Победы мало что осталось. А чтобы мы ответили восставшим из небытия павшим на войне на их вопрос: «А вы где были, куда глядели?» Безмерно тяжела ответственность – в первую очередь ветеранов - перед Родиной, детьми и внуками.

Нет нам оправдания. Простите нас...

Эпилог

Чтобы вырастить хороший присадок требуется 5 лет.

К началу 80-ых годов у меня уже был питомник на 200 яблонь.

Я не делал бизнеса – не продал ни одного присадка.

Когда построили детский комбинат «Светлячок», я заложил при нем яблоневый сад в память о павших защитниках Сталинграда. Теперь те яблони растут и приносят более, чем в десяти местах и не только в нашем районе.

Весной 2007 г. сад цвел необыкновенно буйно. Его фотографии я послал в Музей Обороны Сталинграда. Возможно, что такой сад памяти единственный на всю Россию. Сад расположен напротив окон моей квартиры. Каждую весну я радуюсь, глядя на его цветение и играющих там детей. В нем – моя радость и моя незабвенная боль.

Павел Кузьмич Дунаев

ИНДУКЦИЯ И ДЕДУКЦИЯ

Рассказы

Художник В.Е.Виноградов

Компьютерный набор, верстка, дизайн: М. Делягина

Редакторы и корректоры:
Г.Ф.Сковорода, член Союза журналистов СССР
и России
М. Делягина, заведующая ПЦПИ
Центральной библиотеки
МУ «ЦБС» Чкаловского района